

ЖУРНАЛ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

№ 2(50) / 2016

Приветственное слово к читателям Журнала от редакционной коллегии 1

Принимаем поздравления в связи с выходом пятидесятого номера журнала 1

Поздравления: В.Д. Зорькина, Г. Хольдингера, Т.Я. Хабриевой,
Н.М. Кропачева, В.В. Блажеева, В.В. Гриба

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Бондарь Н.С. Ценностные начала судебной имплементации конвенционных требований в российскую правовую систему (из практики Конституционного Суда Российской Федерации) 4

ТЕОРИЯ (И ПРАКТИКА) КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Блохин П.Д. Индукция, аналогия, интуиция в конституционно-судебном познании:
попытка логико-правового исследования 11

Коровин Е.М. Сроки полномочий выборных субъектов публичной власти: юридическая природа и электоральное значение (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) 24

РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ ЮСТИЦИЯ

Иналкаева К.С. Орган конституционной юстиции в субъекте Российской Федерации 29

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кокотова М.А. Условия допустимости обращений граждан в Конституционный Суд Российской Федерации и Конституционный Совет Франции 33

Редакционная коллегия:

Князев Сергей Дмитриевич, судья Конституционного Суда Российской Федерации, главный редактор «Журнала конституционного правосудия», Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф.
Антонов Алексей Владиславович, заместитель главного редактора «Журнала конституционного правосудия», советник Управления международных связей Конституционного Суда Российской Федерации
Автономов Алексей Станиславович, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д.ю.н., проф.
Арутюнян Гагик Гарушевич, Председатель Конституционного Суда Республики Армения, д.ю.н., проф.
Бондарь Николай Семенович, судья Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф.
Гаджиев Гадис Абдуллаевич, судья Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., проф.
Казанцев Сергей Михайлович, судья Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., проф.
Кокотов Александр Николаевич, судья Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., проф.
Красавчикова Лариса Октябрьевна, судья Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., проф.
Кротов Михаил Валентинович, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, к.ю.н.
Ливеровский Алексей Алексеевич, заведующий кафедрой конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.ю.н., проф.
Маврин Сергей Петрович, заместитель Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф.
Несмеянова Светлана Эдуардовна, директор Института государственного и международного права Уральской государственной юридической академии, д.ю.н., проф.
Овсепян Жанна Иосифовна, заведующая кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета, д.ю.н., проф.
Сивицкий Владимир Александрович, руководитель Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского кампуса (филиала) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», к.ю.н.
Стариков Юрий Николаевич, заведующий кафедрой административного и муниципального права Воронежского государственного университета, Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф.
Смирнов Александр Витальевич, советник Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., проф.
Страшун Борис Александрович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф.
Танчев Евгений, Председатель Конституционного суда Болгарии (в отставке), член Венецианской комиссии Совета Европы от Болгарии, заведующий кафедрой конституционного права Софийского Университета имени Святого Климента Охридского, доктор права, проф.
Шевелева Наталья Александровна, заведующая кафедрой государственного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, д.ю.н., проф.
Хохрякова Ольга Сергеевна, заместитель Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., проф.
Цалиев Александр Михайлович, Председатель Конституционного Суда Республики Северная Осетия — Алания, Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., проф.
Эбзев Борис Сафарович, судья Конституционного Суда Российской Федерации (в отставке), член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф.

Уважаемые читатели!

Номер, который Вы держите в руках, является пятидесятым по общему счету выпуском «Журнала конституционного правосудия». Для редколлегии журнала — это значимое событие и одновременно серьезное напоминание о своей ответственности за исполнение тех задач, которые были возложены на нее в 2008 г. учредителями журнала.

С момента основания «Журнала конституционного правосудия» редколлегия — независимо от персонального состава — видела свое главное предназначение в том, чтобы объединять усилия всех, кто неравнодушен к вопросам теории и практики конституционного судебного контроля, в заинтересованном обсуждении на страницах журнала различных аспектов деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, в том числе в сопоставлении с лучшими образцами зарубежной конституционной юстиции.

Мы понимаем, что находимся на начальной стадии становления. Собственный облик журнала только формируется, постепенно приобретая узнаваемые формат и стиль. Многие еще предстоит сделать, и у нас, безусловно, есть планы, в реализации которых мы очень рассчитываем на активное участие наших авторов и читателей. Но сегодня, пользуясь случаем, поздравляем всех с первым юбилеем журнала и искренне благодарим коллег по совместному служению юридическому делу за теплые слова и весьма комплиментарные оценки, высказанные ими в адрес журнала.

Редакционная коллегия
«Журнала конституционного правосудия»

Поздравления в связи с выходом пятидесятого номера «Журнала конституционного правосудия»

Выход в свет пятидесятого номера «Журнала конституционного правосудия» является для Конституционного Суда Российской Федерации весьма заметным событием, ведь именно он — совместно с Издательской группой «Юрист» — инициировал в 2008 г. учреждение данного журнала, который с тех пор неизменно воспринимается юридической наукой и практикой в качестве своеобразного доктринального «спутника» Суда, на страницах которого заинтересованно и обстоятельно обсуждаются актуальные вопросы конституционной юстиции и ее роли в правовой охране Конституции.

За прошедшее время в журнале были опубликованы статьи многих судей и сотрудников Конституционного Суда России, а также широкого круга вузовских ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Владивостока, Иркутска, Омска, Воронежа, Калининграда, Томска, Челябинска и других городов нашей страны; в них нашли отражение привлекающие существенное внимание оценки (причем отнюдь не всегда комплиментарные) основных сторон деятельности Конституционного Суда, критериев конституционности (неконституционности) проверяемых им законов, вырабатываемых правовых позиций и используемых юридических процедур. Особо следует сказать и о значительной международной составляющей журнала, активно сотрудничающего с зарубежными исследователями, в том числе из

Австрии, Армении, Белоруссии, Великобритании, Германии, Италии, Казахстана, Польши, Португалии, США, Словении, Украины, Хорватии, Южной Кореи, в материалах которых освещается, как правило, на основе сравнительно-правового анализа накопленный в различных странах опыт конституционного судопроизводства.

В нынешнем году Конституционный Суд Российской Федерации будет отмечать свое 25-летие. Это означает, что отечественное конституционное правосудие находится по большому счету только в начале своего, стоит надеяться, долгого пути, а потому ему еще не раз предстоит доказывать состоятельность национальной модели судебного конституционного контроля, ее востребованность и эффективность в обеспечении верховенства Конституции Российской Федерации. Уверен, что «Журнал конституционного правосудия» не останется в стороне от решения этой ответственной задачи, в связи с чем хотел бы пожелать его редколлегии, авторам и читателям и впредь служить авторитетной экспертной площадкой для глубокого и всестороннего осмысления теоретических и прикладных проблем конституционной юстиции.

Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
доктор юридических наук,
профессор В.Д. ЗОРЬКИН

Современное демократическое конституционное государство основывается на принципиальном постулате верховенства Конституции.

Конституция — это правовой основопорядок государства, который регулирует принципиальные вопросы сосуществования людей в государстве. К этим типичным конституционно-правовым вопросам относятся, в частности, строительство, организация и цели государства, принципы осуществления государственных функций (законодательство, управление/правление, правосудие), отношение между государством и обществом, а также отношение индивида и государства.

Верховенство Конституции означает, что любое действие государства должно находить свою основу в Конституции или, иначе выражаясь, соответствовать Конституции. Этот наказ конституционного качества действует в отношении всех государственных функций: для законодателей, для правительства и для правосудия.

Однако верховенство Конституции не может существовать только на бумаге. Оно должно эффективно применяться на практике. Для этого демократическому конституционному государству необходимы институты, которые действительно гарантируют соблюдение Конституции. В демократическом правовом государстве самым важным из таких институтов является Конституционный суд как «хранитель Конституции».

Задачей гарантировать конституционность действий государства, и прежде всего защищать основные права каждой отдельной личности, юрисдикция конституционных судов вносит в высшей степени важный вклад не только в сохранение правового государства, но и в укрепление демократии, а вместе с тем и в политическую стабильность государства.

Функция Конституционного суда как важнейшего «хранителя Конституции» заключается в обеспечении конституционного порядка, что основывает высокий уровень ответственности, который всегда должен осознавать каждый член Конституционного суда.

Эта ответственность требует очень специфической конституционной судейской этики, то есть состояния, которое определяется наивысшей юридической квалификацией, пристрастным уважением конституции, абсолютным дистанцированием от партийно-политических, общественных или личных интересов и бескомпромиссной готовностью судить непредвзято. Только такое отношение позволяет Конституционному суду решать поставленные перед ним задачи во благо государства и общества — неважно, насколько объемными или трудными могут быть эти задачи.

Только такое отношение позволяет Конституционному суду приобретать необходимую для эффективности своей деятельности моральную поддержку у народа. Доверие общественности к коректному, свободному от внешних воздействий и не поддающееся никакому влиянию осуществление своих функций — это самый ценный капитал каждого Конституционного суда, это должно быть его миссией, в том числе и в политически или общественно трудные времена.

«Журнал конституционного правосудия» выходит в этом году в 50-й раз. Как Председатель Конституционного суда Австрийской Республики, пользуюсь этой возможностью, чтобы сердечно поздравить Конституционный Суд Российской Федерации с этим юбилеем.

*Председатель Конституционного суда
Австрийской Республики
доктор права Г. ХОЛЬЦИНГЕР*

Коллектив Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации поздравляет редколлегию и читателей «Журнала конституционного правосудия» с выходом 50-го номера!

За прошедшие восемь лет с момента выхода первого номера данное издание прочно зарекомендовало себя в качестве общепризнанной научно-экспертной платформы по вопросам конституционного судопроизводства.

Журнал является одним из ведущих научных изданий, занимающихся освещением проблем истории, теории и практики конституционного правосудия, как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах.

Особая правовая природа решений и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации обуславливает необходимость их авторитетного научно-экспертного анализа. Оказывая научную поддержку не только федеральной, но и региональной конституционной юстиции, журнал способствует развитию конституционного правосудия в целом в Российской Федерации.

Остающиеся до последнего момента актуальными проблемы, связанные с неисполнением решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, требуют постоянного внимания не только со стороны уполномоченных органов публичной власти, но и научного сообщества, чему активно способствует журнал.

Успешное исследование в публикациях журнала национальной и зарубежной конституционной юстиции, практики Европейского Суда по правам человека, деятельности Венецианской комиссии Совета Европы свидетельствует о высокой значимости и разноплановости «Журнала конституционного правосудия».

«Журнал конституционного правосудия» достойно реализует свою миссию — развитие идей правового государства и повышение конституционного правосознания граждан.

*Директор Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
вице-президент Российской академии наук,
доктор юридических наук,
профессор Т.Я. ХАБРИЕВА*

За небольшой срок, прошедший с момента своего учреждения, «Журнал конституционного правосудия» стал заметным явлением в научной и политической жизни нашей страны. В 2015 году высокое качество публикаций журнала было подтверждено решением о его включении в формируемый Министерством образования и науки Российской Федерации «Перечень рецензируемых научных изданий», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук.

В составе редакционной коллегии журнала есть профессор, сотрудники и выпускники Санкт-Петербургского государственного университета, поэтому без преувеличения могу сказать, что успех «Журнала конституционного правосудия» в некоторой степени является заслугой также и нашего университета. Поздравляю журнал, всех его авторов, членов редакционной коллегии и издателей с выходом в свет 50-го выпуска. Надеюсь, что и в дальнейшем журнал будет продолжать поддерживать высокий авторитет юридической науки и конституционного правосудия в Российской Федерации, как делал это с самого первого своего номера.

Ректор Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Межрегионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» по Санкт-Петербургу и Ленинградской области доктор юридических наук, профессор Н.М. КРОПАЧЕВ

От имени Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина сердечно поздравляю редколлегию и широкую читательскую аудиторию «Журнала конституционного правосудия» с первым значимым юбилеем — выходом в свет пятидесятого номера журнала. «Журнал конституционного правосудия» издается около восьми лет. За это небольшое время редакционным коллективом проделана огромная работа — обретены идентичность и собственный стиль журнала, обозначена его позиция в продвижении и защите конституционных ценностей в России, налажено взаимодействие с органами международного правосудия, значительно расширен круг авторов.

Миссия журнала, связанная с теоретической и практической реализацией идей конституционного правосудия, соответствует целям строительства правового государства и гражданского общества в России, содействует росту профессионального сознания юридического корпуса страны.

Высокий уровень публикаций обеспечил востребованность журнала среди читателей. Злободневность тем, широкая палитра проблематики,

оперативность аналитических материалов, многоаспектность и полнота освещения тематики, охват практически всех аспектов конституционного судопроизводства, высокий уровень научной коммуникации в юридической среде позволили журналу стать уникальной экспертной площадкой по проблемам конституционного правосудия.

Университет имени О.Е. Кутафина связывает с журналом узы творческого сотрудничества. Мы признательны журналу за вклад в развитие отечественной доктрины конституционного судопроизводства, поддержку наших авторов, что позволяет представить значительную палитру мнений специалистов в сфере конституционного правосудия, вести плодотворные научные дискуссии, информировать общественность о новых научных достижениях.

Желаю «Журналу конституционного правосудия» новых интересных публикаций, ярких авторов и неизменной востребованности у самого широкого круга читателей.

Ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина доктор юридических наук, профессор В.В. БЛАЖЕЕВ

От коллектива Издательской группы «Юрист» примите самые искренние поздравления с выходом юбилейного пятидесятого номера «Журнала конституционного правосудия»! За годы своего издания журнал снискал популярность и уважение в профессиональном сообществе.

В 2015 году издание было включено в Перечень Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации, что еще раз подтверждает высочайшее качество публикуемых материалов. Значимость журнала для научной общественности доказана высокими показателями импакт-фактора среди других юридических изданий. Помимо этого, «Журнал конституционного правосудия» удостоен знака отличия «Золотой фонд прессы», что подтверждает признание со стороны читателей.

Позвольте выразить благодарность редакционной коллегии и коллективу редакции журнала за ответственное отношение к подготовке номеров, большой вклад в развитие юридической науки и правовое просвещение граждан, грамотный подход в выборе публикуемых тем и материалов, их актуальность и своевременность.

Желаю коллективу редакции «Журнала конституционного правосудия» процветания, дальнейших творческих побед, личного благополучия и успеха!

Главный редактор Издательской группы «Юрист» доктор юридических наук, профессор В.В. ГРИБ

Ценностные начала судебной имплементации конвенционных требований в российскую правовую систему (из практики Конституционного Суда РФ)*

*Бондарь Николай Семенович,
судья Конституционного Суда Российской Федерации,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
bond@ksrf.ru*

В статье на основе методологии аксиологического подхода обосновывается влияние конституционного правосудия на реализацию и имплементацию в национальные правовые системы ценностей, принципов, норм, складывающихся в рамках европейской конвенционной юрисдикции. В связи с этим ценностные основы имплементационной деятельности, понимаемой с позиций национально-конституционной интеграции, раскрываются на основе признания безусловного приоритета Конституции и необходимости учета социокультурного своеобразия национального правового развития. Конституционное правосудие, обеспечивая выявление и раскрытие глубинного смыслового содержания Конституции в изменяющемся мире, является решающим инструментом гармонизации, преодоления возможных коллизий в сложной системе отношений европейских конвенционных и национальных конституционных ценностей.

Ключевые слова: имплементация, конституционные ценности, аксиологические коллизии, конституционное правосудие, европейский конвенционный контроль.

При всем многообразии как формально-юридических способов, так и конкретной практики отдельных государств по включению международных правовых норм, в том числе Европейской Конвенции о правах человека (далее — ЕКПЧ), в национальные правовые системы представляется принципиально важным, что институт имплементации имеет в конечном счете аксиологическую (ценностную) основу. Это и понятно: без учета национальных исторических, социокультурных ценностей в их соотношении с общепризнанными принципами и нормами международного права и получающими в них отражение общедемократическими ценностями в принципе невозможна имплементация международно-правовых норм в национальные правовые системы. Иными словами, аксиология как инструментальное средство имплементации приобретает практическое значение — как учение о конституционных ценностях демократического правового государства в их соотношении с ценностными началами общепризнанных принципов и норм международного права.

Особое значение аксиологические основы имплементации имеют в ситуациях, когда речь идет о судебных, в частности конституционно-судебных, началах интеграции, внедрении международно-правовых норм в национальную правовую систему.

Более того, ценностным по своей сути является уже сам по себе выбор государства в пользу международного правового сотрудничества, в том числе признание компетенции наднациональных юрисдикционных органов, общих пределов восприятия национальным правопорядком общепризнанных принципов и норм международного права, равно как и выбор конкретного характера (способа) восприятия и реализации того или иного принципа, нормы международного права или норм ЕКПЧ, в том числе в интерпретации Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), во внутригосударственной практике правоприменения.

1. Судебная аксиология как инструментальное средство имплементации международно-правовых норм в национальную правовую систему

Учитывая саму роль судебных органов в имплементационном механизме, а также особенности данной формы государственно-властной деятельности по адаптации норм международного права к национальному правопорядку, представляется актуальной постановка вопроса о судебной аксиологии как инструментальном средстве имплементации международно-правовых норм в национальную правовую систему.

* Статья подготовлена на основе материалов выступления на международной конференции «Совершенствование национальных механизмов эффективной имплементации Европейской Конвенции о правах человека» (Санкт-Петербург, Конституционный Суд РФ, 22–23 октября 2015 г.).

Судебно-аксиологические подходы как инструмент обеспечения правовой имплементации имеют универсальное значение: ведь правовые позиции, которые вырабатываются высшими судебными органами, являются обязательными и для исполнительной, и, что особенно важно, для законодательной власти. Так, решение судебного органа конституционного контроля может стать первым этапом принятия мер общего характера и, соответственно, имплементации тех или иных норм ЕКПЧ в национальное законодательство. В качестве такого примера можно назвать Постановление Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ) от 27 февраля 2009 г. № 4-П; его особенностью было то, что ЕСПЧ еще до рассмотрения данного дела в КС РФ принял решение по жалобе того же заявителя (гражданина Штукатурова П.В.) и, удовлетворив ее, отметил в ряду мер общего характера необходимость совершенствования национального законодательства, приведения его в соответствие с конвенционными требованиями. КС РФ, в свою очередь, признал неконституционными обжалуемые нормы, связанные с возможностями судебной защиты прав недееспособных лиц, восприняв подходы ЕСПЧ, что в последующем получило законодательную реализацию. Тем самым решение КС РФ стало отправным импульсом и важным элементом государственного механизма имплементации соответствующих международно-правовых стандартов, выработанных ЕСПЧ¹.

При этом, отмечая значительное повышение уровня и качества участия судебных органов в правовой имплементации, есть все основания для определенного *разграничения функциональной роли судов различных юрисдикций в механизме имплементации европейских конвенционных требований*.

Так, суды общей юрисдикции и арбитражные суды ориентированы прежде всего на исполнение конкретных решений ЕСПЧ в рамках установленного механизма пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам. Соответствующее правовое регулирование предусмотрено в процессуальном законодательстве — п. 4 ч. 2 ст. 311 АПК РФ, п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ. Это, однако, не исключает с их стороны и более широкого участия: так, если при судебном рассмотрении дела были выявлены обстоятельства, которые способствовали нарушению прав и свобод граждан, гарантированных Конвенцией, отмечается в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г., суд вправе вынести частное определение (или постановление), в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на обстоятельства и факты нарушения указанных конвенционных прав и свобод, требующие принятия необходимых мер².

Несомненно, однако, особая роль в судебном механизме правовой имплементации европейских конвенционных требований принадлежит консти-

туционному правосудию, что обусловлено главным образом его специфической правовой природой. Конституционный Суд, получая институционное оформление как правоприменительный юрисдикционный орган, объективно, по самой природе своей деятельности и особенностям юридической силы принимаемых решений, все в большей степени — и это становится все очевиднее для современной юриспруденции — приближается в своих итогово-правовых характеристиках к нормативно-установительной юридической практике, к правотворчеству. В этом плане КС РФ обладает характеристиками *квазиправотворческого органа*, что, однако, не лишает его статусных качеств полноценного судебного органа.

Признавая ту или иную норму неконституционной, КС РФ лишает юридической силы (ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), т. е. отменяет ее. Уже отсюда следует, что соответствующее решение КС РФ не лишено свойств нормативного акта, направленного, как известно, на установление либо изменение, отмену правовых норм или на изменение сферы их действия. Вместе с тем КС РФ выступает своего рода генератором конституционно-правовой энергии, которая обеспечивает, в частности, конституционно-судебную «риховку» норм отраслевого законодательства (и сложившейся правоприменительной практики), т. е. судебно-контрольное воздействие на отраслевое законодательство посредством конституционного истолкования с целью доведения его до уровня требований конституционных принципов и ценностей без вторжения в букву закона.

Таким образом, конституционным проводником, интегратором имплементационных процессов активно выступают судебные, в том числе специализированные юрисдикционно-контрольные органы, призванные обеспечивать соблюдение, реализацию норм и принципов международного права. Это в полной мере касается и конвенционных норм в единстве с прецедентными решениями ЕСПЧ как важного предмета судебной имплементации международно-правовых начал в национальную правовую систему.

2. Судебная имплементация конвенционных требований: «правоглобализация» или национально-конституционная интеграция?

В конституционном развитии государств европейского континента достаточно очевидно проявляются находящиеся в противоречивом единстве общие закономерности современного правового прогресса. Они касаются, с одной стороны, объективно развивающихся процессов правовой глобализации, которая сводится не только к сближению, взаимопроникновению, но и к конкуренции, соперничеству ведущих правовых систем современности и на этой основе — к унификации нормативно-правовой жизни современной цивилизации; с другой стороны, это тенденции конституционно-

¹ См.: Постановление КС РФ от 27 февраля 2009 г. № 4-П // СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1367.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 2 декабря.

правовой суверенизации, усиливающейся в последнее время, в том числе в системе западноевропейских демократий, осознание необходимости защиты суверенных прав, учета, сохранения социокультурных особенностей национально-государственных конституционных систем, функционирующих в тесном взаимодействии с международно-правовыми институтами.

Это порождает не только проблемы, связанные с сотрудничеством и взаимодействием национальных правовых систем (между собой и с международными юрисдикциями), но и неизбежные конфликты, что актуализирует проблему поиска оптимальных имплементационных механизмов, поиска эффективных путей преодоления противоречий, нахождения компромиссов. При этом процессы правовой интеграции объективно нуждаются в конституционных оценках — на уровне как национальных государственно-правовых систем, так и международно-правовых механизмов. Главными сферами возникающего в связи с этим нормативно-правового интеграционного взаимодействия на европейском континенте становятся европейские институты международного публичного права, с одной стороны, и национальные институты конституционного права — с другой, имея в виду, что в современных условиях эти две отрасли — международное публичное и конституционное право — регулируют отношения, во многом сходные по своей природе и значительно совпадающие по сферам³. На этой основе становится возможным возникновение качественно нового транснационального правового явления, связанного с формированием европейского конституционализма.

При этом важно учитывать, что движение к европейскому конституционализму не есть ориентация на некий региональный «правоглобализм» в европейских масштабах его распространения. Это качественно новая философско-мировоззренческая категория, призванная отразить не столько наднациональную правовую универсализацию, сколько *национально-конституционную интеграцию* государственно-правовых систем Европы на основе их взаимообогащения при сохранении юридического суверенитета правовых систем. Этому обстоятельству не противоречит и тот факт, что европейский конституционализм естественным образом — не только в силу глобальных для европейского правового пространства последствий, но и по самой своей природе, с учетом обретения новых качеств — выходит далеко за пределы простого (суммарного) сложения национальных конституционно-правовых систем; в этом плане он нуждается в неких универсальных, международно-правовых доктринальных, нормативных и правоприменительных решениях.

Определенные начала европейского конституционализма проявляли себя (в различных со-

циально-политических, правовых формах) уже на начальных этапах формирования общего конституционного пространства Европы. Имеется в виду, что конституционализм вообще и европейский в частности можно представить как взаимосвязанный комплекс различных компонентов, включая: его доктринальную составляющую как особую философско-правовую теорию конституционализации экономического, политического, правового пространства Европы; нормативно-правовой компонент, представляющий собой специфическое иерархическим образом (в том числе с точки зрения международно-правовых, наднациональных и национальных составляющих) организованное европейское правовое поле; онтологический компонент, воплощающий практику формирования и развития европейского конституционализма, включая конвенционную (европейскую) юрисдикционную и национальную конституционную практику реализации европейских конституционных ценностей; наконец, это одна из форм проявления общественного сознания, выступающая предпосылкой, условием формирования и, в определенной мере, проявлением специфического (отличного, например, как от англосаксонского, так и азиатского и т.п.) типа юридического видения мира — европейского конституционного мировоззрения.

В сегодняшних условиях, когда отсутствует единый нормативный массив «европейского конституционного права», *нормативную правовую основу формирования европейского конституционализма* составляет сложная, достаточно своеобразная нормативная система, воплощающая суммарное единство международно-правовых европейских компонентов и национально-государственных конституционных институтов. Применительно к государствам — членам Совета Европы это выглядит в виде нормативного комплекса, который формируется, во-первых, на основе конвенционного регулирования, имея в виду ЕКПЧ и прецедентную практику ее толкования Европейским Судом, а также иное международное договорное (европейское) правовое регулирование⁴; во-вторых, на основе национального конституционного регулирования, включая практику национальных органов конституционной юрисдикции, которые наиболее органично и активно включаются в систему охраны и имплементации европейских демократических ценностей, приобретающих конституционное значение как для отдельных государств, так и для европейского правового пространства в целом.

Важной проблемой является обеспечение непротиворечивого взаимодействия, взаимопроникновения соответствующих нормативно-правовых компонентов, в том числе с использованием механизмов имплементации.

³ См.: Конюхова И.А. Тенденции, проблемы и перспективы гармонизации конституционного права и международного публичного права в условиях современного развития // Конституционное право и международное право: взаимодействие и развитие в современную эпоху : сб. статей по материалам Вторых Конституционных чтений. М. : РАП, 2010. С. 14–40 ; Тиунов О.И. Международное право и правовые позиции Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 82.

⁴ Здесь важно подчеркнуть, что в последнее время нередко наиболее зримые последствия прецедентной практики Европейского Суда связывают именно с процессуальным направлением развития европейского конституционализма. См., например: Арнольд Р. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и ее влияние на государства Центральной и Восточной Европы // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. № 3. С. 87.

Особым образом, наиболее рельефно эти проблемы проявляются в тех случаях, когда конституционным проводником, интегратором международно-правовых норм в национальные правовые системы выступают не сами по себе национальные государства (в лице прежде всего их законодательных органов), а специализированные юрисдикционно-контрольные органы, призванные обеспечивать не только соблюдение норм и принципов международного права, но и их интеграцию в национальные правовые системы⁵.

В связи с имплементацией ЕКПЧ важным является вопрос о самой природе, месте и роли Конвенции в национальных правовых системах. Не касаясь детального анализа природы этого документа как международного договора особого рода, следует признать, что Конвенция, без сомнения, регулирует универсальные для европейских стран — членов Совета Европы вопросы конституционного значения. Этот факт сам по себе, независимо от особенностей национальных конституционных систем с точки зрения их отношения к общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам, можно квалифицировать — в аспекте формирующегося европейского конституционализма — как своего рода *квазиконституционный акт*. Вместе с тем в этом качестве Конвенция не может рассматриваться в качестве составной части национальной конституционной системы, по крайней мере, до тех пор, пока сама конституционная система государства (как, например, это имеет место в Австрии) не признает за ней такое значение. Но не менее важен и другой аспект: даже для тех стран, которые не придают приоритетного значения Конвенции в соотношении с национальными законами (например, Венгрия⁶), очевидным является *конституционное значение этого акта*, прежде всего с точки зрения закономерностей формирования общеевропейского конституционного пространства.

Вместе с тем это не означает, что нормативные положения ЕКПЧ, имеющие достаточно подвижные, динамичные начала своего содержания (с учетом как самой по себе практики применения, так и толкования соответствующих норм в юрисдикционной деятельности ЕСПЧ), не требуют своей имплементации.

3. Конвенционные права и свободы как ценностная основа национальной имплементации требований ЕКПЧ

Что лежит при этом в основе ценностно-имплементационных подходов КС РФ применительно к ЕСПЧ?

При ответе на этот вопрос следует учитывать, что конституционно-судебная практика как в ее негативном, так и в правообразующем, нормативном значении осуществляется на основе системной реализации нормативного потенциала Конституции РФ, включая положения ч. 4 ст. 15. Практика российского конституционного правосудия свидетельствует о том, что КС РФ последовательно признает за решениями Европейского Суда и его интерпретационной практикой как доктринально-методологическую, так и собственно юридическую ценность — как для правоприменительной, так и для нормотворческой имплементационной практики.

В основе ценностно-имплементационного подхода лежит *признание принципиального тождества юридической природы конвенционных и наднациональных конституционных прав*. Именно такой вывод методологического значения сделал КС РФ: из него вытекает не только значение Конвенции для отправления национального конституционного нормоконтроля (что само по себе тоже важно), но и *фактическое признание конституционной природы за конвенционными правами и свободами* в их соотношении с национальным институтом прав человека. Пожалуй, впервые национальный орган конституционного правосудия Европы (в лице КС РФ) сделал столь определенный вывод на предмет юридической природы конвенционных прав и свобод: «Права и свободы человека и гражданина, признанные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, — это те же по своему существу права и свободы, что закреплены в Конституции Российской Федерации»⁷.

Из этого КС РФ делает еще один, не менее принципиальный, вывод: «Подтверждение их нарушения соответственно Европейским Судом по правам человека и Конституционным Судом Российской Федерации — в силу общей природы правового статуса этих органов и их предназначения — предполагает возможность использования в целях полного восстановления нарушенных прав единого институционального механизма исполнения принимаемых ими решений». Таким образом, признается — наряду с едиными сущностными характеристиками конвенционных и конституционных прав — *известная общность природы ЕСПЧ и национального органа конституционного правосудия, имея в виду их правозащитную функцию*, а также возможность использования *единого институционального механизма исполнения решений* этих органов (что получило свое подтверждение, в частности, в признании КС РФ за решениями ЕСПЧ значения вновь открывшихся обстоятельств и на этой основе — возможности пересмотра по заявлению гражданина судебного постановления в случае, если

⁵ См. подробнее: Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. 2-е изд., доп. М.: Юрист, 2014. С. 120–125; Грачева (Перчаткина) С.А. Конституционное правосудие и реализация решений Европейского суда по правам человека: науч.-практ. пособие. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, КОНТРАКТ, 2012; Гарлицкий Л. Сотрудничество и конфликт: несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1.

⁶ В этом плане уместно обратиться к материалу, содержащемуся в содержательной статье судьи Конституционного Суда Венгрии Андраша Брагьова: Брагьов А. Право толкования: конституционные суды и Конвенция о защите прав человека и основных свобод (на примере Венгрии) // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2. С. 83–95.

⁷ См.: Постановление КС РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П, абз. второй подп. 3.3 мотивир. части // СЗ РФ. 2010. № 11. Ст. 1255.

ЕСПЧ будет установлено нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

В этом находит свое подтверждение тот факт, что происходит не только прямое влияние международных (европейских) институтов защиты прав человека на национальные конституционные системы, но и своего рода *конституционализация общепризнанных принципов и норм международного права* и на этой основе — проникновение внутригосударственных юридико-правовых (конституционных) начал в сферу международных отношений, определяющих, в частности, сферу европейского конституционного пространства⁸. В то же время нельзя не признать, что взаимоотношения ЕСПЧ с национальными органами конституционной юрисдикции — пожалуй, наиболее чувствительный сегмент формирующейся системы европейского конституционализма.

Расширение взаимодействия национальной правовой системы с источниками наднационального права, все более активное проникновение в нее прецедентных актов европейской конвенционной юрисдикции естественным образом связаны с возникновением различного рода возможных ценностных конфликтов, коллизий, противоречий, которые могут приобретать наиболее острый, принципиальный характер в случае расхождения во мнениях применительно к обстоятельствам одного и того же (или аналогичного) дела ЕСПЧ и КС РФ.

Подтверждением весьма высокого уровня активности соответствующих интеграционных начал является динамика использования решений ЕСПЧ в постановлениях КС РФ (по пятилетним периодам): в 2000—2004 гг. — 15,9% постановлений КС РФ содержали ссылки на решения ЕСПЧ, в 2005—2009 гг. их стало уже 39,1%, а в период 2010—2014 гг. — уже 41,2%.

4. Общее и особенное в национальной и конвенционной судебной аксиологии: единство ценностных основ национального правопорядка в соотношении с полифонией конвенционного правопорядка

Анализируя сущностную характеристику судебной аксиологии применительно к взаимодействию национальной конституционной, с одной стороны, и конвенционной юрисдикционной деятельности — с другой, следует учитывать не только общие, но и специфические черты. Сам характер, пределы ценностно-юрисдикционного влияния этих органов имеют различия, порой весьма существенные. При этом данные различия существуют объективно, и, соответственно, их необходимо оценивать не с конфронтационных позиций, а в

координатах достижения компромисса, баланса интересов и ценностей — через признание объективно существующих различий между ценностными началами конвенционной и национальной конституционной юрисдикции, многообразия национальных конституционных юрисдикций⁹.

В чем проявляются эти различия с точки зрения судебной аксиологии? Главное, пожалуй, заключается в том, что *на КС РФ как органе конституционного контроля лежат задачи по обеспечению принципиального единства и нерушимости ценностных основ конституционного правопорядка*, что достигается, в том числе, посредством обеспечения единства толкования и применения Конституции, а также единства конституционно-правовой интерпретации законодательства и всей судебной правоприменительной практики. Залогом и условием успешного решения соответствующих проблем являются единство и нерушимость ценностных основ системы национального конституционализма.

Показательным является в этом плане рассматриваемое недавно КС РФ дело, по итогам которого принято Определение от 16 июля 2015 г. № 22-П. Его суть связана с тем, что применительно к одному и тому же религиозному тексту (издание религиозного объединения «Свидетели Иеговы») в разных регионах РФ были вынесены различные судебные решения, касающиеся его оценки на наличие признаков экстремизма. В связи с этим данная религиозная организация оспорила отдельные положения Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», усмотрев в них неопределенность. КС РФ в своем решении указал, что в судебной практике должно обеспечиваться такое конституционное истолкование соответствующих нормативных положений, чтобы было гарантировано единообразие судебной практики с помощью соответствующих процессуальных и инстанционных механизмов. Иными словами, КС РФ исходит из того, что один и тот же текст не может быть квалифицирован по-разному с точки зрения противодействия экстремизму, поскольку ценности, которые защищаются этим законодательством, едины в масштабе всей страны. Обеспечение принципиального единства ценностных основ конституционного строя, универсальности конституционных ценностей предполагает поэтому со стороны КС РФ необходимость оценки пределов влияния религиозного, национально-этнического факторов на законодательство и его правоприменение. Такие же подходы нашли свое отражение и в других решениях КС РФ, например о возможности создания политических партий по религиозному¹⁰, регионально-национальному¹¹ признакам и т.д.

⁸ См. об этом также: Джагарян А.А. Конституционализм как основа обеспечения межцивилизационного диалога // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: XIII Международные Лихачевские научные чтения, 16—17 мая 2013 г. СПб.: СПбГУП, 2013. С. 463—464; Петерс А. Правовые системы и процесс конституционализации: новое определение соотношения // Дайджест публичного права Института Макса Планка. 2013. № 2. С. 239—332; Хьяуи-Кривенко Е. Процессы конституционализации международного права: теории и реальность // Российский юридический журнал. 2013. № 2.

⁹ В частности, нельзя не согласиться с мнением заместителя Председателя КС РФ С.П. Маврина, что негативный фон, который сложился в международных отношениях применительно к России, вовсе не представляет собой обязательное условие для самой постановки вопроса о месте решений ЕСПЧ в правовой системе России и порядке их реализации, поскольку он (этот вопрос) не является чисто российским и не порожден исключительно желанием России достойно ответить на принятые в отношении ее негативные меры. См.: Маврин С.П. Решения Европейского Суда по правам человека в правовой системе России // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 6. С. 1.

¹⁰ См.: Постановление КС РФ от 15 декабря 2004 г. № 18-П // СЗ РФ. 2004. № 51. Ст. 5260.

¹¹ См.: Постановление КС РФ от 1 февраля 2005 г. № 1-П // СЗ РФ. 2005. № 6. Ст. 491.

Что же касается европейской конвенционной юрисдикции, то уже *в силу субсидиарной природы ЕСПЧ предполагается достаточно высокий уровень сдержанности в отношении требований единообразия ценностных подходов к различным национальным правовым порядкам.*

Это находит свое подтверждение в своей основе и в практике ЕСПЧ (хотя справедливости ради следует признать, что такие подходы реализуются не всегда последовательно). Показательно — в положительном плане — дело «Лаутси и другие (Lautsi and others) против Италии» (жалоба № 30814/06) о правомерности размещения изображения распятия Христа в государственных школах. Не касаясь достаточно сложного, противоречивого процесса выработки и принятия окончательного решения (в конечном счете Большой палатой ЕСПЧ), отметим, что Европейский Суд справедливо констатировал, что «решение о том, увековечивать традицию или нет, в принципе относится к пределам усмотрения государства-ответчика» (п. 68). Соответственно, и «решение о содержании распятий в классах государственной школы в принципе является вопросом, относящимся к пределам усмотрения государства-ответчика»; об этом свидетельствует, кроме прочего, и «факт отсутствия европейского консенсуса по вопросу о наличии религиозных символов в государственных школах» (п. 70).

В этом проявляется своего рода *полифония современного европейского конституционализма* или, как это называет, например, Е. Танчев, это есть проявление «многоуровневого конституционализма»¹² на европейском континенте. Это и понятно: в нынешних условиях достигнутой правовой интеграции, в частности, между государствами — членами Совета Европы (к которым принадлежит РФ), нет никаких оснований говорить о наличии единого для них конституционно-правового пространства.

В сегодняшних условиях, когда отсутствует единый нормативный массив «европейского конституционного права», *нормативную правовую основу формирования европейского конституционализма* составляет сложная, достаточно своеобразная нормативная система, воплощающая единство международно-правовых европейских компонентов и национально-государственных конституционных институтов. Применительно к государствам — членам Совета Европы это выглядит в виде нормативного комплекса, который формируется, во-первых, на основе конвенционного регулирования, имея в виду ЕКПЧ и прецедентную практику ее толкования Европейским Судом, а также иное международное договорное (европейское) правовое регулирование; во-вторых, на основе национального конституционного регулирования, включая практику национальных органов конституционной юрисдикции, которые активно включаются в систему охраны европейских демократических ценностей, приобретающих конституционное значение как для отдельных государств,

так и для европейского правового пространства в целом¹³.

При этом важно учитывать, что европейский конституционализм не есть некий региональный «правоглобализм» в европейских масштабах его распространения. Это качественно новая философско-мировоззренческая категория, призванная отразить не столько наднациональную правовую универсализацию, сколько *национально-конституционную интеграцию* государственно-правовых систем Европы на основе их взаимообогащения при сохранении юридического суверенитета правовых систем. Этому обстоятельству не противоречит и тот факт, что европейский конституционализм естественным образом — не только в силу глобальных для европейского правового пространства последствий, но и по самой своей природе, с учетом обретения новых качеств — выходит далеко за пределы простого (суммарного) сложения национальных конституционно-правовых систем; важной проблемой является обеспечение непротиворечивого взаимодействия соответствующих нормативно-правовых компонентов.

В этих условиях принципиально важным является признание со стороны ЕСПЧ своего рода *плюрализма конституционных ценностей*, имея в виду как нормативно-правовое пространство, так и правореализационную сферу.

Нельзя, однако, не признать, что есть решения ЕСПЧ, в которых со всей очевидностью проявляются двойные стандарты, дефицит полифонии европейского конституционализма. Наряду с другими в связи с этим возникает и вопрос о том, имеется ли между национальными конституционными и конвенционными ценностями некая иерархия.

Представляется обоснованным утверждение, что *между конвенционными и национальными конституционными ценностями существуют не иерархически-субординационные, а прежде всего координационные связи*. При этом уровень координационных связей может быть различным, что подтверждается в том числе и практикой КС РФ. В конечном счете это вопрос о соотношении европейского консенсуса и национальной конституционной идентичности, имея в виду, что концепция «европейского консенсуса» используется порой в ущерб конституционному плюрализму и «конституционной полифонии» в рамках европейского конституционного пространства.

Важным и весьма положительным направлением интеграции конвенционных норм и принципов в национальную правовую систему является *использование правовых позиций ЕСПЧ для преодоления коллизий национальных конституционных ценностей* и в конечном счете имплементация европейских стандартов в национальную правовую систему. Таких решений КС РФ достаточно много — как относящихся к раннему периоду членства Российской Федерации в Совете Европы, так и новых, принятых в последнее время. Например, для разрешения коллизий, достижения баланса между правом

¹² См.: Танчев Е. Возникающий наднациональный конституционализм и современные системы конституционного контроля // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4. С. 61.

¹³ См.: Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. М.: Норма, 2015. С. 217–223.

на свободу слова, с одной стороны, и правом на предвыборную агитацию КС активно использовал в свое время постановление ЕСПЧ от 19 февраля 1999 г. по делу «Боуман (Bowman) против Соединенного Королевства»¹⁴. А в недавно принятом Постановлении от 12 марта 2015 г. № 4-П КС РФ выработал, опираясь на постановление ЕСПЧ от 26 июня 2014 г. по делу «Габлишвили против Российской Федерации» (жалоба № 39428/12), механизм защиты прав ВИЧ-инфицированных иностранных граждан — при наличии у них на территории РФ членов своей семьи — на основе поиска баланса частных и публичных интересов, защиты ценностей семьи, с одной стороны, и здоровья населения страны пребывания — с другой. Тем самым КС РФ фактически осуществил судебную имплементацию соответствующей правовой позиции ЕСПЧ в российское национальное законодательство.

5. Ценностные коллизии национальной и конвенционной юрисдикций, их влияние на имплементационные процессы

Расширение взаимодействия национальной и наднациональной юрисдикций, все более активное проникновение в национальные правовые системы прецедентных начал европейской конвенционной юрисдикции обоснованны и вполне естественным образом повышают риск возникновения различного рода ценностных конфликтов, коллизий, противоречий, которые могут приобрести наиболее острый характер в случае расхождения в подходах по одному и тому же делу, рассмотренному ЕСПЧ и КС РФ (как это имело место, в частности, по известному делу К. Маркина¹⁵).

При выработке вариантов их разрешения важно учитывать принципиального характера обстоятельство, что *аксиологические коллизии как таковые, в том числе возникающие из соотношения и столкновения национального и наднационального права, имеют конституционное значение*. А все споры, которые по своей юридической природе, характеру и последствиям являются конституционными, подлежат разрешению, как известно, в порядке конституционного судопроизводства. Именно в этом ключе необходимо рассматривать и Постановление КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П, которым был предложен механизм разрешения соответствующих коллизий. Логика Постановления КС РФ в том, что в силу верховенства Конституции международные правоустановления должны интерпретироваться как конкретизация положений Конституции, но они не могут быть применены, если выходят за пределы заложенного в Конституцию правового смысла¹⁶.

Справедливости ради следует признать, что аксиологические коллизии, возникающие из со-

отношения конвенционной и национальной конституционной юрисдикций, носят в своей основе исключительный характер. Ярким примером в этом плане может служить отношение различных право порядков к институту однополых браков и к пропаганде гомосексуальных связей в соотношении с европейским конвенционным подходом. Основные подходы ЕСПЧ на этот счет известны, как и позиция ряда государств Запада.

Между тем очевидно, что сексуальная свобода является тем аспектом самовыражения личности, который не может интерпретироваться в отрыве от общей сложившейся в конкретной культуре системы социальной регуляции, включая моральные, религиозные нормы, национальные традиции и т.п. Очевидно, что, например, в мусульманском мире приемлемые в Европе проявления сексуальной раскрепощенности не рассматриваются как элемент основного содержания права на самовыражение и не находят защиты на конституционно-правовом уровне. Нельзя не учитывать, что и в самой Европе в этом вопросе нет полного единогласия. Наш подход к этим вопросам получил отражение в Постановлении КС РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П. В своем решении КС РФ, с одной стороны, дал конституционное истолкование обжалуемых норм, указав на недопустимость вмешательства в сферу индивидуальной автономии, в том числе в сексуальное самоопределение личности. С другой стороны, Суд не нашел оснований идти по пути тех «стандартов», которые фактически ориентированы на пересмотр классических идей равенства и свободы, когда борьба с дискриминацией и неравноправием, по сути, подменяется требованием особых прав для сексуальных меньшинств.

Серьезным проявлением аксиологических коллизий, возникающих из соотношения европейской конвенционной юрисдикции с российской национальной конституционной системой, явилось Постановление ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации», в соответствии с которым ЕСПЧ фактически поставил под сомнение одну из норм Конституции РФ (ч. 3 ст. 32), установив, что якобы лишение избирательных прав граждан, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, нарушает требования ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции.

Вместе с тем очевидно, что отнюдь не аксиологическими коллизиями, возникающими порой между конвенционной и национальной конституционной юрисдикциями, определяется характер отношений между КС РФ и ЕСПЧ. Подтверждение тому — активная роль конституционной юстиции в имплементации норм международного права, включая европейские конвенционные нормы.

¹⁴ См.: Постановление КС РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П // СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4358.

¹⁵ См.: Определение КС РФ от 15 января 2009 г. № 187-О-О // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление КС РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П // СЗ РФ. 2013. № 50. Ст. 6670.

¹⁶ См.: Зорькин В.Д. Право силы и сила права // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 5. С. 6.

Индукция, аналогия, интуиция в конституционно-судебном познании: попытка логико-правового исследования*

*Блохин Павел Дмитриевич,
главный консультант аппарата судьи Конституционного Суда Российской Федерации,
преподаватель кафедры конституционного и административного права
НИУ «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)
Pavel.Blokhin@ksrf.ru*

В настоящей работе, так же как и в двух опубликованных ранее в настоящем издании, автор обращается к проблеме аналогии в конституционном судопроизводстве. При этом основной акцент делается на соотношении этого метода познания с иными, известными традиционной логике: дедукции и индукции. Одновременно устанавливается его место в российской конституционно-судебной практике в сравнении с англо-американской и континентально-европейской.

Ключевые слова: конституционное правосудие, прецедент, правовые позиции, дедукция, индукция, аналогия, интуиция.

1. В юридической науке получило некоторое распространение представление о том, что принятие судебного решения с точки зрения содержательной (т.е. как познавательный процесс) может быть представлено в виде составления дедуктивных суждений, облеченных в форму силлогизма (лат. — умозаключение). Более точное представление, как кажется, состоит в том, что для судей в странах прецедентного права свойственно мышление индуктивное и аналогическое, а для судей континентальных (особенно французских) — дедуктивное. Для российской правовой системы, не причисляемой традиционно к прецедентному праву, установление аналогичности (в том числе и в конституционном судопроизводстве) какого-либо затруднения на практике не вызывает. В настоящей работе ставится задача подвергнуть критике и уточнить изложенные представления. В частности, делается вывод о том, что взаимное противопоставление дедукции и индукции в судебном познании не имеет достаточных оснований. Кроме того, утверждается, что «индуктивно-аналогическое мышление» английских судей не отменяет значения дедукции, а, скорее, предшествует ей; в свою очередь, подчинение решений французских судей строгой силлогической логике является кажущимся, отраженным лишь на бумаге. Что касается российского конституционного судопроизводства, то для него использование индуктивных и аналогических суждений гораздо более характерно, чем для иных видов судопроизводства; причем понятие аналогичности связано с явлением интуиции и порой сложно объяснимо с позиции формальной логики. Несомненно, данная статья представляет собой лишь попытку исследования многомерной и непростою проблемы и отнюдь не претендует на полноту и бесспорность изложенных в ней выводов.

2. Британский мыслитель XIX в. Джон Стюарт Милль в одном из самых крупных своих трудов — «Система логики силлогической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования» — рассуждал следующим образом: «...всякий вывод (а следовательно, и всякое доказательство, открытие всякой истины, не принадлежащей к истинам самоочевидным) состоит из индукций и из истолкования индукций... всем своим не-интуитивным знаниям мы обязаны исключительно этому источнику»; при этом, пояснял он, «индукцию можно определить как процесс нахождения и доказывания общих предложений». В то же время, настаивал ученый, «для практических задач (например, для адвоката или судьи)... принципы индукции не могут оказаться полезными. Трудность заключается в таких случаях не в получении индукций, а в подборе их: из всех общих предложений, истинность которых установлена, приходится выбирать те, которые дают признаки, позволяющие решить, обладает ли известное подлежащее тем или другим сказуемым или же нет. Разбирая сомнительный вопрос о фактах, напр., перед судом присяжных, адвокат прибегает большею частью к таким общим предложениям и принципам, которые достаточно избиты сами по себе и не могут вызвать против себя никаких возражений; и все его искусство заключается в подведении своего случая под эти предложения или принципы...» Из этого делался вывод: «...правила силлогизма определяют, действительно ли (если предположить эти факты верными) данный случай подходит под формулы тех индукций, под какие мы его последовательно подводим»¹. Таким образом, на основе общих правил логики философом замечательно точно описывалась интеллектуаль-

* Исследование поддержано РГНФ, проект № 15-23-01002.

¹ Милль Дж. Ст. Система логики силлогической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / пер. с англ. под ред. В.Н. Иванова. Второе издание. Издание Г.А. Лемана. М., 1914. С. 256–258.

ная составляющая процесса принятия судебного решения.

Характерно, что с приведенными рассуждениями значительно совпадают рассуждения ученых, принадлежащих, во-первых, к континентально-европейской, нежели к англосаксонской культуре (в частности, правовой), во-вторых, к более позднему историческому периоду, и в-третьих, к иной отрасли научного знания. Так, аналогичную мысль демонстрирует (на примере судебного спора о действительности завещания) австрийский и польский цивилист и теоретик права второй половины XIX столетия Франц Быдлински: «...регулирующая правовая норма посредством содержащихся в ней фактических признаков... образует основную посылку. Подлежащий квалификации конкретный фактический состав в том виде, в каком он был установлен (при необходимости в судебном порядке), образует вторую посылку. При этом обычно именно по вопросам фактического состава разгорается спор между тяжущимися сторонами, выражающими противоположные оценки фактов и доказательств... Наиболее целесообразным описанием фактического состава является то, которое обозначает только юридически значимые элементы. В том случае, если содержащееся в правовой норме абстрактное понятие и использованное в описании фактического состава конкретное понятие соотносятся таким образом, что последнее оказывается видовым понятием первого, то можно, выполнив дедукцию, вывести правовые последствия для данного конкретного случая... в качестве искомого логического заключения»².

Таким образом, кажется, что с достаточным основанием можно считать общим местом идею о том, что разрешение правового спора, в упрощенном виде, может быть представлено в виде решения силлогизма, и подчиняется оно дедуктивной форме суждения. Сказанное, действительно, хорошо применимо к разбирательству спора судом (и тем более органом административного управления), в конечные цели деятельности которого, в отличие от законодателя, входит не «приращение знания» (формулирование новой общей нормы), а решение конкретных прикладных задач (правовая квалификация)³. К сформулированному тезису справедливо добавить две гипотезы. Во-первых, сказанное более очевидно в отношении континентального суда, в особенности выросшего на почве французской правовой традиции (Франция, Бельгия), нежели для англосаксонского (Великобритания, США). Во-вторых, это также более очевидно в случаях, когда правосозидательная и даже интерпретационная функции суда полностью подчинены функ-

ции правоприменительной, а следовательно, это не касается органов конституционного контроля, судебная природа которых сочетается с правотворческой⁴. В остальных же случаях рассматриваемое наблюдение кажется более справедливым, хотя всякий раз, когда суд напрямую применяет основной закон государства, отказывает в применении законоположения, противоречащего международному договору, устраняет пробел в праве посредством аналогии, обращения к общим принципам права, оно также может быть поставлено под сомнение.

Действительно, принято считать, что судебное правоприменение в странах континентальной Европы отличается меньшим эмпиризмом, казуистичностью, а также большей приверженностью строгой дедуктивной логике. Наиболее заметно это на примере французских судов, в том числе Кассационного суда и Конституционного совета. К. Цвайгерт и Х. Кетц так описывали характерные черты обычного решения Кассационного суда Франции: структурно состоит оно обычно лишь из одного сложноподчиненного предложения и не превышает 4–5 страниц; обстоятельства дела и доводы сторон излагаются чрезмерно скупно; отсутствуют ссылки на другие решения (в том числе самого Кассационного суда), на сравнительно-правовые материалы, научную доктрину, политические, экономические и социальные аргументы; формулировки зачастую лаконичны, туманны и бессодержательны и не отражают действительных мотивов решения⁵. Предположим здесь, что юридическая техника судебных решений частично отражает предназначение суда в обществе и отведенное ему место в государственно-правовом механизме. В силу известных исторических причин, которые не описываются здесь⁶, французской политико-правовой традиции свойственны были на протяжении многих десятилетий опасение установления «правления судей» и приверженность идее «парламентского суверенитета», подкрепляемые ссылками на Ш.-Л. Монтескье. Судьи не призваны были творчески толковать закон, прибегая к иным способам интерпретации, нежели телеологический (целевой), самостоятельно создавать новые нормы посредством восполнения пробелов, применения аналогии права; приветствовались анонимность процесса принятия решений и их обезличенный, «казенный» стиль, всеобъемлющий судебный конституционный контроль законодательства не признавался. Более прозаические причины, которые выделяют авторы, состоят в большой загруженности Высокого суда делами, в несклонности (в отличие от пресловутого немецкого доктринерства) французских судей к теоре-

² Быдлински Ф. Основные положения учения о юридическом методе (пер. с нем.) // Вестник гражданского права. 2006. № 1, 2; 2007. № 1.

³ Такую мысль мы находим и в фундаментальной работе Л. Уэйнреба — см.: Weinreb L.L. *Legal Reason: The Use of Analogy in Legal Argument*. Cambridge University Press, 2005. С. 77–78.

⁴ По вопросу о правовой природе органов конституционной юрисдикции состоялась обстоятельная дискуссия: ср.: Ливеровский А.А., Петров М.В. Органы конституционного нормоконтроля как «квазисуды» // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 3 и Бондарь Н.С. Конституционный Суд России: не «квазисуд», а больше, чем суд // Там же.

⁵ Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: Основы : в 2 т. : пер. с нем. Т. 1 / Кетц Х., Цвайгерт К. М. : Междунар. отношения, 2000. С. 183–203.

⁶ Они исследованы не только историками, но и юристами: см., напр.: Книпер Р. Толкование, аналогия и развитие права: проблемы разграничения судебной и законодательной власти // Государство и право. 2003. № 8. С. 5–6.

тизированию⁷. В этих условиях, как метко заметил бельгийский исследователь, французский подход к судебным актам призван создавать иллюзию «механического извлечения решений из всепредвидящих юридических текстов»⁸. Из этого также родилось ставшее затем расхожим известное утверждение Р. Давида о том, что французский судья сначала принимает справедливое решение, а затем подводит под него нужную нормативно-правовую базу⁹. Сказанное в меньшей степени касается высшего суда административной юрисдикции (Государственного совета), который своими решениями активно развивал административное право; другие суды, впрочем, также в исключительных случаях и ранее, и теперь находят способы преодолеть устаревшее, явно несправедливое законодательное правило, широко применяя судебное толкование, выступая с приоритетными вопросами о конституционности и т.д.

Анализ современной судебной практики и обращение к современной сравнительно-правовой литературе позволяют предположить, что эти аргументационные особенности не только отчасти сохранились во французском праве и сегодня, но и были взяты на вооружение Конституционным советом, несмотря на то что природа и предназначение его отличны от иных судов. Исследователи довольно единодушно подтверждают, что логически решение Конституционного совета будто бы выглядит как силлогизм, где «анализируемое конституционное положение предполагается в качестве большой посылки, норма оспариваемого закона составляет малую посылку, а решение по существу вопроса должно выглядеть как логическое заключение»¹⁰; в этом состоит так называемый юридический формализм, т.е. представление о том, что «любой вопрос права может быть разрешен посредством дедукции, т.е. без обращения к политике...»¹¹. Действительно, многие решения Совета (в том числе и по так называемым приоритетным вопросам о конституционности) почти столь же кратки и лаконичны, как и половину столетия назад, причем большую часть занимают технические (вводные) сведения о деле, затем описание доводов заявителя и, наконец, релевантных конституционных и законодательных положений, отчего собственно аргументации Совета может быть уделено ничтожно малое пространство.

В качестве довольно показательного примера из числа многих достаточно привести решение Совета по такой деликатной проблеме, как ограничительное

регулирование брачно-семейных отношений между лицами одного пола¹², где тот в одном предложении (п. 8 мотивировочной части) смог установить, что: право вести нормальную семейную жизнь вытекает из положений Преамбулы Конституции 1946 г. о необходимости создания условий для развития личности и семьи (большая посылка); оспариваемые положения Гражданского кодекса не препятствуют свободе однополых пар сожительствовать на законных условиях, а равно пользоваться возможностями, предусмотренными Пактом о гражданской солидарности (*PACS*) (малая посылка); право вести нормальную семейную жизнь не подразумевает права заключать брак лицами одного пола; следовательно, оспариваемые законоположения не нарушают право вести нормальную семейную жизнь (вывод). Из подобных примеров «юридического силлогизма» авторы заключают: «...легко заметить, что никакого вывода не следует... в строгих терминах логики довод является *non sequitur* [лат. — не следующим из посылок]»¹³; другие авторы, называя стиль аргументации Совета «гиперформализмом», поясняют это: во-первых, выбор применимой большой посылки (*norm of reference* — критериев, масштаба, на соответствие которому проверяется норма) никак не обосновывается им, во-вторых, заметны непрозрачность и автоматизм относительно выводов, которые должны быть дедуцированы путем сопоставления большой и малой посылок (т.е. проверяемой нормы)¹⁴.

В итоге строгий дедуктивный характер решения-силлогизма Конституционного совета Франции является именно кажущимся, при том, что и место аналогического мышления практически не отражено в тексте акта. Вряд ли между тем можно принять обоснованное судебное решение, вообще не руководствуясь никакими приемами традиционной логики. Уместно здесь будет вспомнить изречение судьи Верховного Суда США О.У. Холмса о том, что в действительности «общие положения не дают решения конкретных дел. Решение будет зависеть от суждений или интуиции более тонких, нежели любая ясно выраженная большая посылка»¹⁵. Вопрос, следовательно, состоит в том, демонстрирует ли суд открыто в своем решении ход рассуждений, которые заставляют его отдать приоритет одному доводу (варианту толкования, прецеденту и т.д.) перед другими в пределах его усмотрения, или же предпочитает «маскировать» свою творческую роль в выработке права и создавать

⁷ Карпович Е.В., Цыганков Н.С. Аргументационная техника французского Кассационного суда: история и современность // Труды молодых исследователей по сравнительному праву. 2013. № 1–2 (16–17). С. 3–6.

⁸ Nelissen B. Judicial Loyalty Through Dissent or Why the Timing is Perfect for Belgium to Embrace Separate Opinions // Electronic Journal of Comparative Law. 2011. 15 (1). P. 2.

⁹ Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1988. 496 с. Вряд ли, впрочем, это касается только французских судей, а не судей вообще.

¹⁰ Dyeve A. France: Patterns of Argumentation in Constitutional Council Opinions. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2026396. P. 16–17.

¹¹ Baranger D. Constitutional Justice and Constitutional Politics in France — Policy Arguments in the Case Law of the Constitutional Council // Jus Politicum. 2012. No. 7. P. 3.

¹² Решение № 2010-92 QPC от 28 января 2011 г. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/>. Русский перевод и реферат: сб. статей: «Конституционный совет Франции на современном этапе. Пять лет институту «приоритетного вопроса о конституционности»: сб. статей / под ред. С.Д. Князева и А.В. Антонова. М.: Юрист, 2015. С. 246–247.

¹³ Dyeve A. Ibid. P. 17.

¹⁴ Baranger D. Ibid. P. 5.

¹⁵ Lochner v. New York, 198 U.S. 45 (1905).

впечатление, что его роль сводится лишь к применению норм, созданных кем-то другим»¹⁶.

Что же касается решений немецких судов, формально принадлежащих к той же самой романо-германской правовой семье, то, как замечено еще десятилетия назад, они отличаются большей подробностью и прозрачностью мотивов, свобода судьи проявляется в возможности творческого толкования закона и, в частности, преодоления несправедливых норм посредством обращения к более абстрактным правовым принципам, встречаются ценностные суждения, а при осуществлении контроля за соблюдением основных прав человека суд пользуется особенно большой свободой¹⁷. Это подтверждают современные российские исследователи, которые на основе анализа практики и со ссылкой на Р. Алекси демонстрируют, что помимо основных аргументов, минимально необходимых для вынесения решения, германские судьи также могут использовать и иные (телеологические и даже исторические, сравнительные и институциональные), не вполне укладывающиеся в традиционную дедуктивную логическую структуру¹⁸. Тем более это характерно для Федерального конституционного суда ФРГ, многие решения которого насыщены ссылками на доктринальные труды, специально-научные сведения, порой и расчеты, философско-правовыми категориями (вроде кантовского определения человеческого достоинства), а также широко и творчески используют прежние решения по аналогичным вопросам (в качестве одного из свежих примеров можно привести многостраничное постановление по делу о Европейском стабилизационном механизме, где Суд в числе многих прочих доводов использовал несложные математические расчеты, описывающие механизм принятия решений об изменении размера бюджетных обязательств государств, сослался на решение Конституционного суда Австрии в качестве свидетельства различных толкований положений Договора о ЕСМ о максимальном размере таких платежных обязательств и т.п.¹⁹).

3. Фрэнсис Бэкон, английский философ второй половины XVI — начала XVII в. и основоположник эмпиризма, известный своей критикой аристотелевской логики и последовательной апологией индуктивного метода познания, писал: «...силлогизмы состоят из предложений, предложения из слов, а слова суть знаки понятий. Поэтому, если сами понятия, составляя основу всего, спутаны и необдуманно отвлечены от вещей, то нет ничего прочного в том, что построено на них. Поэтому единственная надежда — в истинной индукции». Далее, продолжал он в своем трактате «Новый Органон», «никоим образом не может

быть, чтобы аксиомы, установленные рассуждением, были пригодны для открытия новых дел, ибо тонкость Природы во много раз превосходит тонкость рассуждений»²⁰. Можно предположить, что, применив, с необходимыми изменениями, эти рассуждения к сфере судебной деятельности, мы получим описание процесса судебного познания, в известной степени противоположное тому, которое дано ранее.

Действительно, как пишет известный российский ученый-цивилист К.И. Скловский, «применение строгого силлогизма — выражение безусловного подчинения той ценности, той аксиоме (при том, что суть самой аксиомы не обсуждается), от которой начинает разворачиваться логическое доказательство. ...Иначе говоря, логика — это уважение права, но не само право». И далее, применительно к англосаксонской правовой системе: «...именно на базе «эмпирического» права, заставляющего открыто обсуждать свою разумность, стал более заметным важнейший процесс утраты правом строгой логичности»²¹.

Русскоязычные авторы довольно единодушно приходят к тому, что именно индукция и аналогия есть два формально-логических метода, повсеместно применяемых английскими судьями, включая Верховный Суд Соединенного Королевства²². Автор же всеобще признанной работы «Прецедент в английском праве» Руперт Кросс, замечая, что «вопрос, лежит ли в основе судебной аргументации правового характера дедуктивный или индуктивный метод, не имеет общего ответа», делает следующее предположение: «...рассуждение бывает дедуктивным, когда дело касается применения закона, поскольку из общего выводится частное, и индуктивным — когда дело касается прецедентного права, поскольку из частного выводится общее», но далее оговаривается: «...аргументация, которую обычно называют дедуктивной, играет ту же самую роль при применении прецедентного права, какую она играет и в отношении применения закона»; одновременно, говоря о применении правила аналогии, он сформулировал три его стадии: «...первая состоит в осознании подобия между предыдущим делом и тем, которое суд рассматривает. Вторая — в определении *ratio decidendi* предыдущего дела, и последняя — в решении применить это *ratio* к рассматриваемому делу»²³.

Уильям Бернам в своем фундаментальном труде «Правовая система США» исходит из того, что «в прецедентном праве используются два метода правового обоснования новых нормативных правил: дедуктивное обоснование и обоснование по аналогии»; из дальнейшего же повествования ста-

¹⁶ Давид Р. Указ. соч.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Воробьев А.Г. Модель аргументации решений судов Федеративной Республики Германия. URL: www.hse.ru/data/2012/10/21/1246188598/2003.%20Доклад.%20Модель%20аргументации%20решений%20судов%20ФРГ.doc

¹⁹ См.: BVerfG, 2 BvR 1390/12 vom 18.03.2014.

²⁰ Бэкон Ф. Новый Органон. Л.: Соцэкгиз. Ленинградское отд-ние, 1935. С. 110–111.

²¹ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут, 2010 (доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

²² См.: Евсеев А.П. Верховный суд Соединенного Королевства: становление. Харьков: Юрайт, 2014, а также: Индукция и аналогия в мышлении юристов англо-американской традиции (предварительные размышления). URL: <http://blog.pravo.ru/blog/theory/1603.html>

²³ Кросс Р. Прецедент в английском праве. М.: Юридическая литература, 1985. С. 180–181.

новится ясно, что речь идет не о формулировании нормы, а, скорее, лишь о применении к конкретному делу нормы, уже имеющейся, — как статутного, так и прецедентного происхождения (полученной ранее в результате «резолютивного обобщения», т.е. в меру широкой генерализации выводов за пределы одного конкретного дела или в результате «синтеза», т.е. формулирования единого вывода на основе нескольких относительно подобных дел). Далее автор также делает важную оговорку: «...на самом деле дедуктивное обоснование решений на основе формулировок резолютивных обобщений или норм прежних дел пригодно *только* для решения ясных или «простых» дел. Аргументация в более сложных делах может начинаться с дедуктивного обоснования, но затем возникают противоречия относительно того, какая именно синтезированная норма применима к рассматриваемому судом делу и есть ли такая «норма» вообще»²⁴.

Из изложенного, как кажется, можно предположить, что индуктивный тип мышления востребован на этапе формулирования судьей общего правила (прецедентной нормы) — применение же этого правила в конкретной ситуации требует приложения более общей нормы к более конкретным обстоятельствам. Особенность состоит в том, что в обоих процессах ведущую роль играет аналогическое мышление (начальная стадия которого к тому же предполагает интуитивное, предварительное сопоставление двух дел).

Американские исследователи приводят бесчисленные примеры судебных дел, в центре которых, по их мнению, стоял именно вопрос об аналогичности (в частности, знаменитое постановление по делу «Катц против США», где Верховный суд, вслед за особым мнением Луиса Брандейса, отверг более раннее свое решение по делу «Олмстед против США» и счел, что прослушивание телефонных переговоров есть мера, аналогичная обыску и конфискации, по смыслу Четвертой поправки, поскольку решающим сходством является вмешательство в личное пространство, а наличие или отсутствие физически осязаемого воздействия, напротив, несущественно)²⁵. Ричард Познер (кстати, научный последователь О.У. Холмса), отрицающий иное, кроме чисто риторического, значение аналогии для судьи (и выступающий за использование экономического анализа права), впрочем, последовательно критикует это убеждение. Он указывает, что в действительности «анalogии — это не аргументы», «значение имеют лежащие в их основании правила, принципы, доктрины, политика», которые «ставят в один ряд рассматриваемое дело с одной или другой серией прецедентов»²⁶.

Чрезвычайно красочным (хотя, возможно, не самым ординарным) примером такой логики могут служить постановления (*majority opinion*), подготовленные Р. Познером в качестве судьи Апелляцион-

ного суда Соединенных Штатов седьмого судебного округа. Одно из таких мнений по проблеме авторских и смежных прав — дело «*Ty Inc.* против Рут Перримэн» о нарушении товарного знака гражданкой США, которая продавала подержанные игрушки *Beanie babies* компании *Ty Inc.* через Интернет²⁷. В решении суда полностью отсутствуют какие-либо отсылки как к нормам законодательства, которые прямо могли бы играть роль большой посылки, так и к прецедентам, которые могли бы стать моделью для аналогии; основную часть мотивировки составляют доводы чисто экономического (какое поведение участника вторичного рынка является экономически рациональным), психологического (как потребитель воспринимает два синонимичных торговых наименования) характера, не имеющие ничего общего с юриспруденцией; анализ рассматриваемого дела почти полностью основан на сопоставлении с аналогичными гипотетическими, смоделированными делами (использование так называемого призрачного прецедента²⁸); при этом используются не только буквальные аналогии, но и фигуральные (чем отличается продажа дилером подержанной машины фирмы «Тойота» под соответствующим наименованием от использования стрип-клубом ювелирного бренда «Тиффани» и чем такое наименование, как «Кодак», отличается от наименования вроде «брассерия» и т.п.). В данном случае, таким образом, и о дедуктивном, и об аналогическом мышлении в традиционном понимании трудно вести речь; для автора решения не очень важно, под какую общую норму можно наилучшим образом подвести вывод (с чем сопоставить дело), — важно, чтобы этот вывод был разумным и справедливым. Хорошо известна соответствующая оценка выдающегося российского ученого С.С. Алексеева: «...в англосаксонском общем праве подобные нормы в виде прецедентов вырастают непосредственно из судебных решений, причем судьи ориентируются не только на существующий прецедент (тем более что он в данном случае может и отсутствовать), но и непосредственно на неправовые критерии — разумность, справедливость и др.»²⁹

Обращение к социальным, культурным, экономическим доводам, следовательно, также вряд ли можно рассматривать как некий недопустимый «судебный активизм», а скорее, как имманентно присущую (конституционному) правосудию особенность, поскольку оно не может в ряде случаев обойтись формальной дедуктивной логикой. «Юридический силлогизм состоит в упрощенном понимании задач правосудия... При таком подходе используется фикция о том, что в силу самодостаточности права в источниках права можно найти ответы на любые юридические вопросы... Правосудие для принятия справедливых решений нуждается в обширной неправовой информации

²⁴ Бернам У. Правовая система США. 3-й вып. М.: РИО «Новая юстиция», 2006. С. 144–154.

²⁵ Weinreb L.L. Ibid. С. 56–60.

²⁶ Posner R.A. Reasoning by Analogy (reviewing Lloyd L. Weinreb. Legal Reason: The Use of Analogy in Legal Argument (2005)) // 91 Cornell Law Review 761 (2006). С. 763, 765, 768.

²⁷ Ty Inc. v. Ruth Perryman. 306 F.3d 509 (7th Cir., October 4, 2002).

²⁸ См.: Бернам У. Указ. соч. 146–148.

²⁹ Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 48.

в виде социологических, экономических и иных данных»³⁰. Впрочем, эта проблема (противопоставление *adjudicative facts* и *legislative facts*, т.е. правовых аргументов и политических), особую актуальность получившая еще в начале прошлого столетия благодаря Л. Брандейсу, заслуживает самостоятельного полномасштабного исследования.

4. Теперь, очевидно, можно прямо поставить вопрос: действительно ли индуктивный и дедуктивный методы судебного познания должны быть друг другу противопоставлены, как это часто принято делать в юридических исследованиях? Дж. Ст. Милль, насколько можно понять из поверхностного и фрагментарного рассмотрения его труда, такого противопоставления не проводил; более того, полагая индукцию первой из трех составных частей дедуктивного метода познания — наряду с собственно дедукцией и проверкой, — он писал: «...законы причин, от которых зависит следствие, можно находить либо посредством индукции от сравнительно простых случаев, либо, в худшем случае, при помощи дедукции из полученных таким путем законов более простых причин»³¹. Рене Декарт и вслед за ним Готфрид Лейбниц в цитируемых здесь работах также не отвергали значения ни дедукции, ни индукции («эnumerации»). И даже упомянутый Ф. Бэкон делал оговорку о том, что «аксиомы, отвлеченные должным образом из частных, в свою очередь, легко указывают и определяют новые частности и таким путем делают новые науки действительными»³². Российский дореволюционный историк философии Э.Л. Радлов резюмировал, что «нельзя отрицать различия между д[едукцией] и индукцией, но противоположение их не имеет никакого основания. Человеческое мышление одно; как бы ни были разнообразны предметы, направление и цель мышления, одни и те же законы управляют мыслью»³³. Интересно в таком случае, насколько это наблюдение справедливо применить к логике принятия судебных решений Конституционным Судом.

По-видимому, есть основание присоединиться к мнению судьи Г.А. Гаджиева, который, ссылаясь на труды С.И. Максимова и А. Кауфмана, заключает: «...судья разрешает дело не путем исключительно дедукции, выводя из общих норм позитивного права решение по частному случаю. В равной мере отдельное правовое решение может быть основано на индукции, проистекать из природы вещей, вовлеченных в конкретную ситуацию... Идея права выступает логически первичным элементом, действительным основанием права, однако онтологически первичным... выступает право в конкретной ситуации»³⁴. К этому мнению примыкают и некоторые другие авторы, справедливо утверждая, что «происходит, таким образом, сначала индукция

(выведение общих принципов права, толкование закона), а затем — правоприменимая дедукция, где роль большой посылки в силлогизме играет выявленное судом объективное право, а малой — информация о юридическом факте»³⁵.

В таком случае, если оба метода познания присутствуют в известном сочетании друг с другом, то можно ли утверждать, что один из них преобладает в том или ином случае? Кажется не нуждающимся в подробном пояснении, что если закон стремится предусмотреть все и вся, а за судом закреплена роль шаблонного приложения общих правил к более конкретным жизненным ситуациям (правовая квалификация), то дедуктивная составляющая проявляет себя в полную силу, тогда как пространство для индуктивных и аналогических суждений сведено к минимуму. В свою очередь, если мы ведем речь о конституционном нормоконтроле, предполагающем оперирование такими категориями, как «обоснованность», «необходимость», «справедливость» законодательного правила, сопоставление его с еще более абстрактными и зачастую коллидирующими («бинарными») конституционными принципами, механичности и автоматизма в выводе не может быть. Подтверждение этой гипотезы можно найти в работе Г. Гаджиева: «...двойственность права проявляет, обнаруживает себя при разрешении сложных юридических дел, когда необходимо решить аксиологическую задачу. Она не может быть решена только на основании формальной логики. Процесс судебного познания при разрешении таких сложных юридических дел в большей степени похож на эмпирическое научное познание». Далее ученый поясняет, о чем идет речь: «...чаще всего это юридические споры, в которых стороны опираются на равновеликие правовые ценности, а теория юридического силлогизма практически неприменима. Это, как правило, сложные конституционно-правовые споры...»³⁶.

Итак, в установлении действительного содержания тех или иных конституционных ценностей и принципов Конституционный Суд РФ ориентируется на свои правовые позиции (близкие понятия: *ratio decidendi* в английском прецедентном праве или *tragende Gründe, wesentliche Entscheidungsgründe* в немецком), применяя их в новом деле или, напротив, отказывая в их применении. Конституционный Суд, по сути, формулирует правило поведения общего характера, в отличие от иных судов, которые такое правило применяют, отчего деятельность Конституционного Суда заметно подчиняется правилам индукции и аналогии, тогда как деятельность других правоприменителей — дедукции. В этом смысле Конституционный Суд, хотя и не занимается, по смыслу ст. 3 ФКЗ о КС РФ, форми-

³⁰ Гаджиев Г.А. Социологизация, морализация и экономизация конституционного правосудия в XXI веке // Материалы Международной конференции, посвященной 15-летию Конституционного Суда Азербайджанской Республики на тему «Конституционное правосудие в XXI веке: особенности и пути развития». Баку, 12 июля 2013 г. Баку, 2013. С. 230–236.

³¹ Милль Дж. Ст. Указ. соч. С. 420.

³² Бэкон Ф. Указ. соч. С. 112.

³³ Радлов Э. Дедукция / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Т. 10. 1989. С. 276–277.

³⁴ Гаджиев Г.А. Онтология права: Критическое исследование юридического концепта действительности. М.: НОРМА, 2013. С. 132–133.

³⁵ Ельчибаев Б.З. О целесообразности и значении обобщения судебной практики административными и иными судами Республики Казахстан // Административное право и процесс. 2009. № 4. С. 23–26.

³⁶ Гаджиев Г.А. Указ. соч. С. 187, 204.

рованием государственной политики, находится к законодателю в чем-то ближе, чем к обычному суду, разрешающему гражданский или уголовный спор. Если в первом случае задача состоит в нахождении справедливого общего правила поведения, то во втором — в установлении доказанности или недоказанности нарушения прав конкретного лица (правомерности его притязаний и т.п.). Промежуточное положение между этим занимает, видимо, Европейский Суд по правам человека, задача которого, с одной стороны, как известно, состоит в установлении нарушения прав в конкретном деле с учетом фактических обстоятельств этого дела и который, с другой стороны, на основе толкования Конвенции формулирует правовые положения общего характера, применимые при разрешении аналогичных дел в будущем: не ясно в связи с этим категорическое неприятие некоторыми авторами использования понятия «правовая позиция» к такого рода общим правовым положениям, формулируемым ЕСПЧ³⁷.

Во всяком случае, идея о том, что Конституционный суд может механически извлечь верное решение из предельно аморфных и порой противостоящих друг другу конституционных принципов, кажется утопичной. Можно возразить, однако, что для этого достаточно прибегнуть к толкованию, в особенности телеологическому (целевому). Практика, тем не менее, не подтверждает, что изначальные намерения (конституционного) законодателя являются для КС РФ решающим доводом. И это подтверждается отнюдь не только тем, что российский Суд, в отличие, особенно, от французского и бельгийского, очень редко ссылается на материалы законодательского процесса (*travaux préparatoires*), но и тем, что во многих случаях Суд вынужден в условиях новых реалий общественных отношений, меняющегося исторического контекста, развития науки и техники понимать конституционную норму не так, как это имело в виду учредительная власть³⁸. В этих случаях проявляется и правогенерирующая функция конституционного контроля, а «юридический формализм» дополняется обращением к социокультурным факторам, экономическим анализом права и иными важными, хотя и вспомогательными инструментами.

5. Следующий вопрос, очевидно, состоит в механизме индукции и в достоверности получаемых ею общих положений применительно к конституционно-судебному познанию. Математик Джордж Поля (Дьёрдь Поля) описывает процесс индуктивного умозаключения так: первоначально замечается некоторое сходство между двумя примерами; на основании этого сходства делается обобщение, которое «не является доказанным, никак не может претендовать на истинность, оно

является только попыткой подойти к истине»; далее необходимо поэтому это суждение испытать: «...предположительное общее утверждение становится правдоподобным, если оно подтверждается для нового частного случая»³⁹. Еще ранее Карл Поппер, рассуждая о соотношении понятий истинности и правдоподобности и называя последнюю «более ясной и реалистичной целью», приводя ряд примеров опровержения опытным путем известных со времени Аристотеля образцов индуктивного высказывания, вслед за Д. Юмом пришел к выводу о том, что через опыт, даже многократно повторенный, можно судить лишь о ложности некоторого общего высказывания, но никогда о его истинности⁴⁰.

Дополним сказанное тем, что в юриспруденции индукцию, в самом упрощенном виде, понимают как формулирование более общего положения исходя из более частного⁴¹, не делая различия в числе этих положений и их взаимосвязи, что приближает ее к понятию «абдукции», т.е., по выражению Чарльза Пирса, «предпочтению в пользу какой-то одной гипотезы перед другими, равно объясняющими рассматриваемые факты, если это предпочтение не базируется ни на каком-то предшествующем знании, имеющем отношение к истинности этих других гипотез, ни на какой бы то ни было проверке любых из них, уже предпринятой и приведшей к их принятию...»⁴²

Не нами замечено, что суд, формулируя такое общее правило (норму) для разрешения множества аналогичных споров, может сделать это более или менее широко и абстрактно, охватив тем самым большее или меньшее число потенциальных юридических конфликтов. Так, У. Бернам замечательно точно подмечал проблему: «...опасность широких формулировок резолютивных обобщений [*holding, ratio*] кроется в том, что они могут оказаться излишне широкими»; напротив, «*Dictum* [попутно сказанное] свидетельствует о том, что суд задумывался над тем, как следует решать другие подобные дела, и обязательно при возможности сделает это»⁴³. Этой проблеме посвящена и значительная часть труда Р. Кросса — он, в частности, приводя в пример известное дело *Warwick* 1886 г., задается вопросом: «...что в этом деле составляет прецедент — общее положение о том, что хозяин отвечает за обман, допущенный его служащим в процессе работы, или более узкое положение об ответственности только за тот обман, который приносит хозяину выгоду?» Недопустимость как излишне узких, так и чрезмерно широких правовых предписаний может быть особенно ясно продемонстрирована через определение принципа формального равенства, который, как верно заметил Н.С. Бондарь, не только предполагает «запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных

³⁷ Чернышев И.А. Европейский Суд по правам человека в практике российского конституционного правосудия // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 112–114.

³⁸ Оба эти довода называют и американские ученые — см.: Weinreb L.L. Ibid. С. 157–158.

³⁹ Поля Д. Математика и правдоподобные рассуждения : пер. с англ. 2-е изд., испр. М. : Глав. ред. физ-мат. лит., 1975. С. 26–30.

⁴⁰ Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д.Г. Лахути. М. : Эдиториал УРСС, 2002. С. 17–23.

⁴¹ См., напр.: Журавель Е.Г. Психические познавательные процессы личности, их роль и проявление в деятельности юриста // Юридическая психология. 2010. № 2. С. 7–17.

⁴² Пирс Ч.С. Начала прагматизма. СПб., 2000. С. 303.

⁴³ Бернам У. Указ. соч. С. 146–147.

ситуациях», но равно и не допускает «формально равное отношение законодателя к субъектам, находящимся в принципиально разных — с точки зрения юридически значимых показателей — ситуациях»⁴⁴.

Несовершенство излишне широких и излишне узких формулировок может, в свою очередь, быть объяснено несовершенством индуктивного метода, его чрезмерной зависимостью от опыта. В силу многообразия жизненных ситуаций и невозможности предвидеть их все такая индукция в праве всегда будет неполной («как бы исчерпывающие формулировка правила ни определяла случаи его применения, она не может охватить все факты конкретного дела, не потеряв при этом качества правила», потому «рационализация права — это продолжающийся процесс, который никогда не достигнет определенности и стабильности дедуктивной системы»⁴⁵). Если же предположить, что правовые позиции выводятся из «всепредвидящей» Конституции строго дедуктивным путем, то тогда за ними следовало бы, напротив, признать конечность, достоверность и неизменность — между тем, как заметил Г.А. Гаджиев, «если правовая позиция Конституционного Суда, основанная на преобразовательной интерпретации конституционной нормы, представляет собой в большей степени акт познания, то, как и всякий акт познания, она может быть либо истинной, либо ложной»⁴⁶.

Итак, на примере одного дела («резолютивное обобщение», у некоторых авторов — абдукция) или на основе анализа определенного круга схожих дел («синтезирование», собственно индукция), в том числе и «гипотетических» — только будущих иметь место с большой долей вероятности («призрачный прецедент»)⁴⁷, КС РФ формулирует, соответственно, менее или более выверенные практикой общие правоположения — правовые позиции, т.е. выводы «относительно конституционно-правовых принципов, правовых идей и иных фундаментальных правовых конструкций, которыми руководствовался Конституционный Суд, принимая решение по конкретному делу, и которыми надлежит руководствоваться в дальнейшем...»⁴⁸ В последующем же, разрешая сходные дела, Суд в большой степени использует свои прежние прецеденты, т.е. мыслит, скорее, аналогически — если ранее он сформулировал правило довольно узко и в тесной привязке к определенному делу, и дедуктивно — если достаточно широко и безотносительно специфики конкретного спора. Причем, как в первом случае зачастую очевидно, что аналогическое суждение сделано через обращение к более общему принципу, которое только и делает два явления аналогичными, «если не выражено, то имплицитно, если

не намеренно, то бессознательно» (своего рода скрытая дедукция), так во втором случае, напротив, выведение следствия из посылок требует подчас «выяснения действительной сферы действия» этого принципа путем обращения к первому делу (т.е. посредством аналогии)⁴⁹. Согласно обозначенной критической позиции Р. Познера, отнюдь не причисляющего себя к «формалистам», новые дела *всегда* разрешаются судьей не по аналогии с прежними, а либо исходя из более общей нормы (*governing rule, controlling precedent*), если ее формулировка совершенно ясна, либо исходя из общего принципа, логики законодателя (*policy*), которые положены в основу более раннего решения и являются общими для нового дела⁵⁰.

Если все последующие аналогичные частные случаи только подкрепляют сделанное ранее общее суждение, это суждение приобретает все большую степень достоверности (происходит ее подтверждение — *confirmation*). Поэтому и правовая позиция, многократно «апробированная» долголетней и последовательной практикой, выглядит особенно убедительной. Когда же новое дело демонстрирует чрезмерную широту ранее сформулированной правовой позиции, происходит уточнение, ограничение ее сферы действия (можно сказать, сужение действительного *ratio* решения), а если чрезмерную узость, то наоборот — расширение (по сути, выявление в нем того, что являлось лишь *dictum*). Следовательно, и практика судов по учету правовых позиций КС РФ должна находиться в некоей зависимости от того, насколько широко они сформулированы. Узкая и конкретная формулировка нормы, конечно, оставляет у судов меньше сомнений в применимости ее к строго ограниченному набору случаев, однако более широкая по идее при творческом истолковании способна охватить большее разнообразие спорных ситуаций. Яркий пример — проблема последствий судимости для отдельных видов служебной деятельности, к которой КС РФ обращался применительно к военнослужащим, сотрудникам полиции, наконец, к пожарным в системе МВД (в этом смысле читателю будет интересно обратиться к решению КС РФ по жалобе гражданина А.Л. Алборова⁵¹).

6. Г.-В. Лейбниц, который одобрительно отзывался об аналогическом методе познания, в особенности в естественных науках, замечал, что «вещи, наиболее отдаленные и скрытые, прекрасно объясняются по аналогии с тем, что видимо и близко от нас»⁵². Весьма желательно, следовательно, установить, как аналогия применяется в конституционном судопроизводстве наряду с дедуктивным умозаключением. Дж. Ст. Милль, исходя из того, что аналогия — это по сути своей неполная

⁴⁴ Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 544 с.

⁴⁵ Weinreb L.L. Ibid С. 106–107.

⁴⁶ Гаджиев Г.А. Указ. соч. С. 263.

⁴⁷ Weinreb L.L. Ibid. С. 34–35.

⁴⁸ Маврин С.П. Некоторые соображения о понятии правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 4. С. 12–18.

⁴⁹ См.: Weinreb L.L. Ibid, особенно с. 44, 66, 73, 110–111, 121.

⁵⁰ Posner R.A. Ibid. С. 765 и др.

⁵¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2015 г. № 31-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁵² Лейбниц Г.-В. Соч. : в 4 т. Т. I. М.: Мысль, 1982. С. 377.

индукция, указывал: «...ценность доказательства по аналогии (т.е. умозаключения относительно одного сходства на основании других, при отсутствии какой-либо доказанной связи между ними) зависит от количества черт, признанных сходными — сравнительно, во-первых, с размерами области еще неисследованных черт различия, а затем — с размерами области еще не исследованных свойств. Отсюда следует, что когда сходство очень велико, когда различий установлено очень мало, а наше знакомство с предметом довольно полно, тогда доказательство по аналогии может весьма близко подходить по своей силе к настоящей индукции»⁵³. Во всех остальных случаях, видимо, как говорил еще Авиценна, аналогия «может привлечь внимание и навеять сомнение, но не установить достоверность»⁵⁴. Обобщая специфические черты данного вида судебной аргументации, авторы указывают следующее: установление аналогии судьей предполагает «обнаруживать за конкретными обстоятельствами рассматриваемого им прецедента общее правило», «аналитическим путем [очистить дело] от этих особенностей, чтобы [придать ему] способность к многократному применению в будущем»; при этом «в отличие от дедуктивного силлогизма, алгоритм которого носит жесткий «математически» выверенный характер, аналогия как мыслительная операция не поддается окончательной формализации», «из аналогии невозможно исключить и элемент индивидуальной субъективности, на что указывали уже в начале XX века представители социологической юриспруденции»⁵⁵.

Далее необходимо привести один из многих примеров решения на основе обращения к аналогии. В постановлении, посвященном раскрытию тайны усыновления, КС РФ пришел к выводу о том, что положения законодательства, «направленные на сохранение тайны усыновления ребенка, относящейся к сфере неприкосновенности частной жизни, семейной или личной тайны, не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку, будучи гарантией стабильности усыновления, защиты прав и интересов членов семьи, уважения их личной и семейной жизни и тем самым — защиты института семьи, по своему конституционно-правовому смыслу и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации не дают оснований для вывода об отсутствии у суда общей юрисдикции права в каждом конкретном случае решать вопрос о возможности предоставления потомкам усыновленного сведений об усыновлении после смерти усыновленного и усыновителей в объеме, необходимом для реализации ими права знать свое происхождение (происхождение своих родителей), обеспечивающем поддержание баланса конституционно защищаемых ценностей, а также прав и законных интересов участников соответствующих правоотношений»⁵⁶. В более позд-

нем определении с позитивным содержанием по докладу судьи, посвященном проблеме раскрытия врачебной (медицинской) тайны, КС РФ указал, что «суд при осуществлении подготовки гражданского дела к разбирательству, правоохранительные органы — при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, а прокурор — при проведении проверки в порядке надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина могут на основе принципов соразмерности и справедливости принять решение о необходимости ознакомить заинтересованное лицо со сведениями, относящимися к истории болезни умершего пациента, в той мере, в какой это необходимо для эффективной защиты прав заявителя и прав умершего лица»⁵⁷. Сходство между этими правовыми положениями не случайное и отнюдь не поверхностное: формулируя свой вывод в определении, Конституционный Суд прямо сослался на вывод из более раннего постановления и указал, что он «может носить ориентирующий характер», тем самым осуществив его «универсализацию» («экстраполирование»). При этом связь между возможностью предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, и раскрытия тайны усыновления лежит в плоскости *public policy* и может быть выявлена только путем обращения к общим принципам, руководившим Судом.

В то же время дедуктивное выведение этого следствия (о допустимости раскрытия врачебной тайны при строго определенных обстоятельствах) напрямую из абстрактных норм Конституции о тайне частной жизни и праве на информацию (к тому же имеющих здесь, как видно, разнонаправленное действие) было бы затруднительным. Поэтому более раннее постановление также, в свою очередь, основывается на правовых позициях по аналогичным или более общим вопросам. Следовательно, основной логический прием, который здесь был использован, — это аналогическое суждение: как точно замечают ученые, в континентальной правовой системе «нельзя обосновать постановляемое решение ссылкой на правовое положение, состоявшееся в судебной интерпретации законодательного акта, не называя сам акт. Следует применять законодательство, а правовые положения, ранее добытые в судебном истолковании, как бы далеко они ни отстояли от первичного текста, вводят в дело будто бы лишь для того, чтобы объяснить выбор и смысл применяемой законодательной нормы»⁵⁸. Чем больше в конституционно-судебной практике со временем вырабатывается таких правовых положений и чем более последовательно суд применяет их на основании аналогии, тем меньшее пространство остается для судебного усмотрения и тем меньше есть причин для непосредственного применения конституционной нормы.

7. Учитывая, что суждение по аналогии носит только вероятностный характер, основано хотя бы

⁵³ Милль Дж. Ст. Указ. соч. С. 510.

⁵⁴ Уемов А.И. Аналогия в практике научного исследования. Из истории физико-математических наук. М.: Наука, 1970. С. 3.

⁵⁵ Индукция и аналогия в мышлении юристов англо-американской традиции (предварительные размышления).

⁵⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2015 г. № 1275-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁸ Арановский К.В., Князев С.Д. Судьба судебного прецедента в романо-германском праве // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 4. С. 35.

отчасти на интуитивном знании и содержит пространство для усмотрения, необходимо установить минимальные требования к использованию этого приема познания, которые гарантировали бы, что он не ведет к необоснованности решений и даже к произволу. При этом, конечно, речь идет о буквальной (логической) аналогии, с помощью которой сравниваются сопоставимые по своим характеристикам предметы, в чем состоит ее отличие от аналогии фигуральной, являющейся не более чем убеждающим риторическим приемом⁵⁹ (например, аналогия между торговой маркой магазина игрушек и автомобильным брендом). Такие условия могут быть описаны следующим образом: аналогичность имеется лишь тогда, когда общий признак между двумя объектами «является сущностной, атрибутивной, а не акцидентальной характеристикой двух этих объектов», при этом недостаточно простого указания на сходство объектов — требуется также «описание условий либо законов (или неявная ссылка на них)», в силу которых происходит конкретное явление, поскольку можно зафиксировать характер связи между сопоставляемыми фактами, и он не будет случайным»⁶⁰. В таком случае аналогия, оставаясь по сути своей только правдоподобным суждением, именуется научной (в противоположность популярной) и гарантирует более высокую вероятность истинности заключения⁶¹. В юриспруденции это может быть некий принцип, соображение «публичной политики» (public policy), о котором говорит Р. Познер, являющийся «рациональным основанием» аналогии⁶² (например, стремление конституционного законодателя не допустить произвольного вмешательства в личное пространство человека позволяет оценивать аналогичным образом физический обыск и перехват телефонных сообщений).

Со сказанным вполне согласуется учение Р. Кросса, из которого можно понять, что судья, применяя аналогию, должен, во-первых, доказать, что сходство в двух делах является существенным (ведь в ряде случаев «у юристов могут быть разные — и вполне обоснованные — мнения о юридическом значении некоторых фактических различий между предыдущим и рассматриваемым делом»⁶³), а во-вторых, объяснить, почему из нескольких возможных аналогий он выбрал именно эту («не лучше вовсе необоснованного решения и такое обоснование, в котором содержится ссылка на конфликтующие прецеденты, но не указывается, почему одни принимаются во внимание, а другие не принимаются или отвергаются»⁶⁴).

Примером последовательного применения объяснительной аналогии Конституционным Судом может служить серия дел об ограничении права

лиц, подвергавшихся уголовному преследованию, выполнять семейные обязанности, связанные с воспитанием детей. Как известно, в постановлении 2014 г.⁶⁵ КС РФ на основе принципа соразмерности установил разумные пределы действия норм Семейного кодекса, введивших бессрочный и безусловный запрет на усыновление детей в отношении лиц, имеющих или имевших судимость, подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию за широкий круг преступлений. В одной из следующих жалоб заявителем была поставлена схожая проблема, но применительно уже к запрету на установление опеки (попечительства), и Суд счел возможным распространить на эту проблему действие прежней правовой позиции, с одной стороны, «принимая во внимание отличия в правовом статусе усыновителей, приравненных в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родителям... и опекунов (попечителей), назначаемых временно и имеющих возможность быть освобожденными от исполнения своих обязанностей...», но с другой стороны, имея в виду «схожие цели институтов усыновления и опеки (попечительства) как форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, а именно обеспечение таким детям надлежащих, в том числе эмоционально-психологических, условий для полноценного развития, а также содержание, воспитание и образование детей, защита их прав и интересов»⁶⁶. То есть суд счел, что сходство здесь является более существенным, чем различия.

Можно привести и множество примеров обратной ситуации — когда КС РФ устанавливал, что различие между делами является существенным. Например, в Определении от 15 января 2015 г. № 8-О КС РФ прямо отказался применить высказанную им в Постановлении от 5 марта 2013 г. № 5-П позицию, на которую ссылался заявитель, о недопустимости в определенных случаях взимания со специализированной организации, осуществляющей деятельность по размещению отходов производства и потребления, пятикратного размера платы за размещение отходов, образовавшихся в результате хозяйственной и иной деятельности других организаций, поскольку в более новом деле, в отличие от предыдущего, организация имела возможность компенсировать понесенные ею расходы — что было обозначено как неперемное условие действия названной позиции.

В итоге всего сказанного, как кажется, находят свое подтверждение сделанное нами ранее предположение о том, что применение аналогического мышления в конституционном судопроизводстве и, если угодно, следование «прецеденту», не особенно зависит от формального отнесения конкретной

⁵⁹ Пригарина Н.К. Тактика сопоставления как элемент аргументации судебной речи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2009. № 3. М.: Изд-во МГОУ, 2009. С. 46–49.

⁶⁰ Вольф М.Н. Основания аргументации в раннегреческой философии: аналогия как тип аргументации // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2013. Т. 11. Вып. 2. С. 115–116.

⁶¹ Бочаров В.А., Маркин В.И. Введение в логику: учебник. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2008. С. 492–493.

⁶² Weinreb L.L. Ibid.

⁶³ Кросс Р. Указ. соч. С. 185.

⁶⁴ Там же. С. 197.

⁶⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2014 г. № 1-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 13 мая 2014 г. № 997-О // СПС «КонсультантПлюс».

правовой системы к прецедентной или статутной. Думается, что нельзя выразить эту идею яснее, чем это сделал К. Экштайн в своем пособии по правам человека в главе, посвященной толкованию: «...высказываемое в России здесь и там мнение о том, что в континентальной правовой системе нет места для применения прецедентов, не только неверно, но и абсурдно. Прецеденты имеют большое значение и в континентальной правовой системе. Если бы суд в одном случае принимал одно решение, а в сходной ситуации принимал бы без особого обоснования иное решение, то это бы в корне противоречило принципу равенства»⁶⁷. Это заметно совпадает с рассуждениями Р. Кросса: «...основной принцип, который должен соблюдаться при отправлении правосудия, состоит в том, что сходные дела разрешаются сходным образом»; «...следует принять и обратный принцип: различающиеся между собой дела должны разрешаться по-разному»; «...отказ суда последовать какому-нибудь из своих прежних решений неизбежно приведет к несправедливости. Стороны вправе ожидать, чтобы похожие дела разрешались сходным образом, и это ожидание поощряется судом»⁶⁸. В данном случае, конечно, термин «прецедентный» понимается не в строгом смысле, со всеми присущими ему правилами и формальностями, а как раз, скорее, для обозначения общей логики принятия решений.

Использование аналогии, таким образом, во-первых, это скорее не атрибут какого-то особенного типа судебного познания — англо-американского или континентально-европейского, а один из универсальных способов аргументации («[аналогическая аргументация] британского судьи, вероятно, более доступна американскому юристу, чем аргументация французского судьи», хотя «[необходимость в ней] является общей для всех правовых систем, разделяющих верховенство права»⁶⁹). Если конституционный суд не будет в меру строго следовать своим же прежним позициям по аналогичным вопросам, что некоторым авторам видится вполне нормальным («рассматривая два очевидно похожих дела, КС РФ никак не связан правовыми позициями из прежнего решения»⁷⁰), это будет означать, как минимум, что он будет вынужден каждый раз сызнова проделывать тот интеллектуальный труд, который он уже проделал когда-то, причем, учитывая, что, как сказано ранее, из абстрактных суждений не следуют конкретные решения, результат может каждый раз оказываться разным, что совершенно неприемлемо. Как замечал по сходному поводу лорд Хэлсбери, такой подход привел бы к «ужасному по своим последствиям неудобству», которое будет состоять в том, что «каждый вопрос надо будет подвергать новому обсуждению и приводить человеческие отношения в состояние неопределенности»⁷¹.

Во-вторых, трудно было бы оправдать ситуацию, когда бы ЕСПЧ (постановления которого изобилуют ссылками на собственные прецеденты) в разные отрезки времени или применительно к разным государствам-участникам принимал противоположные решения по сходным правовым вопросам, никак не объясняя этих перемен. Это относится, вероятно, и ко всем другим судам, с той лишь разницей, что они обычно не формулируют общих правоположений, а квалифицируют конкретные фактические обстоятельства, усмотрение их сильнее ограничено многочисленными законами и подзаконными актами, правда, поворот в их практике может никак ими не обосновываться и быть связан зачастую с допущенной ранее ошибкой (ср.: «...поворот в судебной практике всегда возможен, и судьи не обязаны его обосновывать. Этот поворот не посягает на рамки права, не угрожает принципам права», поскольку «правовая норма... созданная судебной практикой, не имеет такого авторитета, которым обладают законодательные нормы»⁷²). Но и такое изменение сложившейся практики может быть оценено резко негативно, если оно не отвечает требованиям правовой определенности, равенства, стабильности гражданских правоотношений (см., напр., п. 3.3–4.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 5 марта 2013 г. № 5-П по делу об экологических платежах). Иными словами, исправление ошибок в судебной практике, в отличие от научной теории, может быть чревато серьезными издержками.

8. Р. Декарт писал, что, «коль скоро познание той или иной вещи нельзя свести к индукции, надлежит отбросить все узы силлогизмов и вполне довериться интуиции как единственному остающемуся у нас пути, ибо все положения, непосредственно выведенные нами одно из другого, если заключение ясно, уже сводятся к подлинной интуиции», при этом «когда мы выводим какое-либо положение из многочисленных и разрозненных положений, то объем нашего интеллекта часто оказывается недостаточным большим, для того чтобы охватить их всех единым актом интуиции; в данном случае интеллекту надлежит удовлетворяться надежностью этого действия»⁷³. Сходное понимание явления интеллектуальной интуиции (в противоположность средневековому, мистическому) было свойственно другим рационалистам (Б. Спинозе, Г. Лейбницу). Последний утверждал: «...можно сказать, что интуитивное познание заключается в определениях, когда их возможность сразу ясна. Подобным же образом все адекватные определения содержат в себе первоначальные рациональные истины, и, следовательно, интуитивные познания... всем первоначальным рациональным и фактическим истинам общо то, что их нельзя доказать при помощи чего-нибудь

⁶⁷ Экштайн К. Основные права и свободы. По российской Конституции и Европейской Конвенции : учеб. пособие для вузов. М. : NOTA BENE, 2004. С. 22.

⁶⁸ Кросс Р. Указ. соч. С. 25, 43, 116.

⁶⁹ Weinreb L.L. Ibid. С. 135.

⁷⁰ Чернышев И.А. Правовые позиции в решениях Конституционного Суда России // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 5. С. 1–7.

⁷¹ Цит. по: Кросс Р. Указ. соч. С. 115.

⁷² Давид Р. Указ. соч.

⁷³ Декарт Р. Избранные произведения. Академия наук СССР. Институт философии : пер. с франц. и лат. М. : Политиздат, 1950. С. 102–103.

более достоверного»⁷⁴. Основоположник сенсуализма Дж. Локк, с которым позднее полемизировал в своих диалогах Лейбниц, писал, что «интуиция и доказательства суть две степени (*degrees*) нашего познания. То, что не достигается тем или другим, с какой бы ни принималось уверенностью, есть лишь вера, или мнение... Ничего нет достовернее того, что идея, получаемая нами от внешнего объекта, находится в нашем уме; это — интуитивное познание»⁷⁵. Тем самым вслед за родоначальником английского эмпиризма Ф. Бэконом Локк называл источником знания в первую очередь опыт и чувства. Очевидно, что понимание интуиции рационалистов и эмпиристов сильно различалось, но можно заметить, что общее в них — противопоставление интуитивного познания логическому, простота и непосредственность этого метода. В истории философии в понятие интуиции вкладывалось различное значение; совершенно новый виток этой дискуссии дало развитие в XX столетии физиологии и психологии; невозможность предпочтения одного способа познания другому наиболее ясно выразил знаменитый математик Анри Пуанкаре, заметив, что «логика и интуиция играют каждая свою необходимую роль. Обе они неизбежны. Логика, которая одна может дать достоверность, есть орудие доказательства, интуиция есть орудие изобретательства»⁷⁶.

Проблема интуиции в судебном познаниишла развитие в советской науке судебного права. Так, интерес представляет дискуссия, развернувшаяся между А.Р. Ратиновым, В.П. Казимирчуком, М.С. Строговичем, а затем и К.И. Комиссаровым. А. Ратинов подчеркивал, что «интуиция — это неосознанное постижение отдельных положений, которое не выведено логическим путем», но которое предполагает «основанную на опыте и знаниях способность непосредственного решения следственных задач при ограниченных исходных данных», тем самым противопоставляя интуицию версии как «результату логической деятельности»⁷⁷. Впоследствии К. Комиссаров, рассуждая о роли творчества в толковании и применении социалистическим судом нормы закона, также писал, что интуиция — это «отражение накопленного опыта в виде подсознательного (не дискурсивного) вывода, который вследствие этого лишь кажется проявлением скорее чувств, а не мысли. Судебное познание подчиняется основным положениям теории познания. Ему, следовательно, не чуждо и присутствие интуиции... играя вспомогательную роль и не имея процессуального значения, интуиция действует, если можно так сказать, где-то на подступах»⁷⁸. Пользу интуитивного знания признавал и В.П. Казимирчук в статье, посвященной соотношению интуиции и убеждения, подчеркивая, правда, что интуиция не может быть вполне отнесена к области

чувственного: «...интуитивное решение часто бывает лишь предвосхищением итога мыслительной работы, которая еще должна быть произведена», и что «интуиция судебного деятеля, вырабатывающаяся в ходе большого и сложного опыта, в результате долголетней практической деятельности, может играть роль только побудительную, ускоряющую образование внутреннего убеждения»⁷⁹. М. Строгович, оспаривая и позицию Ратинова («совершенно несостоятельная задача... находить разумные основания для решения, найденного неразумным путем»; «интуиция будет означать предвзятость, односторонность следователя, произвольность и необоснованность его выводов»), и позицию Казимирчука («сокращенные рассуждения, умозаключения, которые производятся быстро, без особого формулирования посылок, в мышлении применяются постоянно», но в любой момент могут быть «восстановлены пропущенные звенья мыслительного процесса и приведено основание для своего вывода», поскольку иначе речь идет «о гадании, а не о выводе»), настаивал на том, что интуиции нет места в судебном познании вовсе⁸⁰. Ученые, впрочем, сходились в очевидном: предварительное суждение о проблеме, основанное на опыте, предшествует окончательному логическому выводу, при этом решение должно быть основано именно на доказательствах, а не на догадках, а аргументы должны быть надлежаще изложены в мотивировке судебного решения.

Дискуссия об интуиции в судебном познании получила еще более мощный импульс в западной юриспруденции, основывалась на данных психологии и обширных социологических исследованиях, экспериментах. Исследователи установили, что судьи часто принимают решение, основываясь на интуиции, первоначальном впечатлении, а затем лишь подтверждают или опровергают его путем осмысления (*deliberation*). В некоторых случаях — например, в суждении о поступке (явлении) как о моральном или аморальном, в оценке справедливости или несправедливости меры ответственности за вред, трудно поддающийся исчислению, — сильно влияние именно этого первоначального интуитивного впечатления, установок и предубеждений. При этом решение, основанное преимущественно на интуиции, нежели на обсуждении и логическом осмыслении, менее транспарентно и убедительно в своих доводах⁸¹. Равным образом, использование теста на пропорциональность (видимо, и любых иных тестов в конституционном правосудии) с целью установления справедливости некоего правоограничения и отграничения одной правовой ситуации от другой, являясь хорошей аналитической моделью, позволяющей поставить усмотрение суда в более строгие рамки, придать его оценкам види-

⁷⁴ Лейбниц Г. В. Соч. : в 4 т. Т. 2. М. : Мысль, 1983. С. 373.

⁷⁵ Локк Дж. Соч. : в 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 2. С. 14–15.

⁷⁶ См.: Подгорных Е.М. К определению понятия «интуиция» в профессиональной творческой деятельности педагога // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. 2007. № 10. С. 22–27.

⁷⁷ Ратинов А.Р. О следственной интуиции // Социалистическая законность. 1958. № 4. С. 25.

⁷⁸ Комиссаров К.И. Творческий характер судебной деятельности // Правоведение. 1976. № 3. С. 60–67.

⁷⁹ Казимирчук В.Н. Внутреннее судейское убеждение и интуиция // Советская юстиция. М. : Госюриздат РСФСР, 1958. № 5. С. 20–21.

⁸⁰ Строгович М.С. О рациональном и эмоциональном в судебном исследовании // Сов. государство и право. 1959. № 5. С. 92–95.

⁸¹ Об этих выводах см.: Guthrie C., Wistrich A.J., Rachlinski J.J. Judicial Intuition. URL: https://law.vanderbilt.edu/files/archive/Judicial_Intuition.pdf

мость логической последовательности и стройности, тем не менее отнюдь не способно исключить оценочные суждения и суждения, основанные на интуитивном ощущении, и дать математически точные выводы (строго говоря, термин «соразмерность» предполагает нахождение «меры», измерение, тогда как степень вторжения в право человека и польза от этого для достижения некоего блага обычно не могут быть количественно оценены и взвешены).

Как нам кажется, возможность суждения об аналогичности предметов, явлений (правоограничений и т.п.), будучи присущей мышлению всякого человека, в известной степени основывается на опыте и интуиции. Подтверждение этому предположению находится в литературе: «...своеобразным видом интуиции является перенос признаков, имеющих общее значение для некоторого класса предметов, на новые предметы этого класса. В математике она получила название «эмпирической» интуиции. В логическом плане эмпирическая интуиция представляет собой скрытое заключение по аналогии, и она не обладает большей достоверностью, чем аналогия вообще»; при этом далее автор делает вывод, что интуитивный компонент познания можно обнаружить у юриста (судьи), который «должен выносить приговор не только в соответствии с заранее предписанным количеством доказательств, но и согласно «внутреннему убеждению»⁸².

Не только предварительное установление круга возможных аналогичных дел для сравнения, но и выявление сходства или различия между ними, того, что в тексте решения имеет существенное значение и обладает общеобязательным (аналогическим) значением, таким образом, требует этой самой интуиции. Недаром Р. Кросс, ссылаясь в своей работе на всевозможные тесты, например, так называемый метод Уэмбо и метод Гудхарта, тем не менее приходит к выводу: «...раскрытие *ratio decidendi* прецедента — это прежде всего проблема из области психологии. Когда судья А определяет, каким принципом руководствовался судья В, решая дело С, он, по-видимому, находится под влиянием слов и выражений судьи В, хотя многим словам не следует придавать — и им действительно не придают — решающего значения»⁸³. Заметно, насколько эти рассуждения совпадают с рассуждениями немецких юристов — так, например, известный ученый О. Люхтерхандт пишет: «...иногда неясно, что собственно является причиной, послужившей основанием для данного решения. Конечно, к ним не относятся «между прочим» сделанные замечания и как бы невзначай выраженные судом правовые воззрения — так называемые *obiter dicta*, к выска-

зыванию которых по ходу рассмотрения дела суд побуждают какие-либо обстоятельства; и в качестве «послуживших основанием» могут выступать такие причины, при отсутствии которых цепочка аргументации суда оказалась бы неполной, а решение представлялось бы «подвешенным в воздухе». Что же происходит, если суд опирается в своем решении, как это часто случается, на несколько конституционно-правовых аргументов, каждый из которых пригоден для обоснования решения или является обоснованием?»⁸⁴

Вряд ли на этот вопрос возможно дать окончательный ответ. Впрочем, упомянутый Конституционный Совет Франции имеет традицию комментировать свои лаконичные решения, тем самым подробнее поясняя их основные мотивы; Федеральный конституционный суд ФРГ, напротив, «учитывая трудность вычленения [ведущих оснований] из текста решения, содержащего также описание факты дела (*Sachverhalt*), иные суждения, в том числе высказанные попутно (*obiter dicta*)... выработал практику формулирования их в самом начале решения в виде основных тезисов (*Leitsätze*)»⁸⁵. Это позволяет сделать утверждение о действительных мотивах решения более достоверным, нежели предположительным. Тем не менее это вряд ли способно полностью исключить из аналогической аргументации тот «некодифицируемый, творческий момент», который содержит в себе явление интуиции⁸⁶.

9. Представленные суждения призваны продемонстрировать следующую закономерность. Природа и назначение суда в правовой системе, компетенция, которой он наделен законодателем, и степень его вовлеченности в процесс правогенерации лишь отчасти, но все же определяют логику мышления судьи, методологию принятия решений, преобладание одних приемов познания над другими; этим, в свою очередь, также лишь отчасти определены содержание судебного решения, его транспарентность, иные юридико-технические особенности. При этом использование основных логических приемов: дедукции, индукции, суждения по аналогии, в той или иной степени и в различном сочетании друг с другом, присуще каждому суду, хотя может и не проследиваться «на бумаге». При решении конституционно-правовых споров индукция (формулирование правовой позиции) и аналогия (следование прецеденту) имеют большое значение и компенсируют недостаточность строгого дедуктивного метода. Дальнейший анализ этой закономерности, как кажется, мог бы помочь сложить лучшее представление о таких понятиях, как прецедент, судебная норма, правовая позиция, и о месте этих явлений в отечественном судебном праве.

⁸² Литвинова А.Л. Роль интуиции в научном познании // *Философия о предмете и субъекте научного познания* / под ред. Э.Ф. Караваева, Д.Н. Разеева. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 135–150.

⁸³ Кросс Р. Указ. соч. С. 184.

⁸⁴ Люхтерхандт О. Значение решений Федерального Конституционного Суда для правового порядка Германии // *Альманах. Конституционное правосудие в новом тысячелетии*. 2011. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2011. С. 132.

⁸⁵ Гриценко Е.В. Роль конституционного суда в обеспечении прямого действия Конституции в Германии и России // *Журнал конституционного правосудия*. 2013. № 1. С. 14–29.

⁸⁶ Weinreb L.L. *Ibid.* С. 32.

Сроки полномочий выборных субъектов публичной власти: юридическая природа и электоральное значение (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации)

*Коровин Евгений Михайлович,
старший преподаватель кафедры конституционного
и административного права Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
председатель избирательной комиссии
Надеждинского сельского поселения Приморского края
korovinz@list.ru*

В данной статье автор рассматривает правовую природу сроков полномочий органов государственной власти и местного самоуправления как элемента правового статуса этих органов и элемента механизма назначения выборов. Анализирует правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по делу о толковании статей 96 (часть 1) и 99 (части 1, 2 и 4) Конституции Российской Федерации и по другим делам, связанным с изменением сроков полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, практику. В свете правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и действующего законодательства автор приходит к выводу, что рассмотрение данных сроков в качестве избирательных сроков и элемента механизма назначения очередных выборов позволяет уменьшать или сокращать фактический срок полномочий органов публичной власти, не нарушая при этом конституционных норм.

Ключевые слова: срок полномочий, сокращение срока полномочий, Конституционный Суд, конституционно значимые цели, единый день голосования, избирательные сроки, органы местного самоуправления.

В последние несколько лет постоянно актуализируется вопрос о сроках полномочий органов публичной власти. В декабре 2008 г. увеличены конституционные сроки полномочий Президента РФ (до шести лет) и Государственной Думы Федерального Собрания РФ (до пяти лет); в мае 2014 г. изменен порядок определения сроков полномочий органов местного самоуправления; в июле 2015 г. предстоящие в 2016 г. выборы депутатов Государственной Думы ФС РФ седьмого созыва перенесены с первого воскресенья декабря на третье воскресенье сентября. Используя два последних примера, хотелось бы разобраться в правовой природе сроков полномочий выборных органов и должностных лиц и условий их закрепления в законодательстве, прежде всего в избирательном.

Федеральным законом от 14 июля 2015 г. № 272-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5 и 102 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» выборы депутатов Государственной Думы седьмого созыва перенесены с первого воскресенья декабря на третье воскресенье сентября 2016 г., и тем самым на несколько недель сокращен фактический срок полномочий Государственной Думы шестого созыва. Появление

данного закона стало возможным после принятия Постановления Конституционного Суда РФ от 1 июля 2015 г. № 18-П «По делу о толковании статей 96 (часть 1) и 99 (части 1, 2 и 4) Конституции Российской Федерации», в резолютивной части которого Суд указал, что конституционные положения «не исключают возможности однократного изменения федеральным законом даты очередных выборов, ведущего к сокращению реального (фактического) срока полномочий Государственной Думы текущего созыва, при условии, что такое сокращение осуществляется в конституционно значимых целях, заблаговременно, не влечет за собой отступления от разумной периодичности проведения очередных выборов Государственной Думы и непрерывности ее деятельности и является минимально незначительным»¹.

Рассматривая соответствующий запрос Совета Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации исходил из того, что срок полномочий Государственной Думы, с одной стороны, является необходимым элементом ее конституционного статуса, а с другой стороны, этот срок призван «задавать реальную периодичность федеральных парламентских выборов, без которой немыслима демократическая природа народовластия»².

¹ СЗ РФ. 2015. № 28. Ст. 4335.

² Там же.

Закрепление срока полномочий как часть системы сдержек и противовесов «служит обеспечению самостоятельности и независимости Государственной Думы как одного из высших органов государственной власти Российской Федерации и вместе с тем направлено на поддержание согласованного функционирования и взаимодействия с другими органами государственной власти»³.

Рассматривая однократное и минимально незначительное сокращение срока полномочий нижней палаты парламента лишь в качестве исключительной, экстраординарной меры, Конституционный Суд учитывал два контекста — особенности конституционного статуса Государственной Думы и юридический механизм назначения новых парламентских выборов. В научной литературе высказываются различные оценки правовой природы сроков полномочий публичных органов. Так, профессор С.А. Авакьян рассматривает срок полномочий, включая возможности их досрочного прекращения и продления, в качестве одного из организационных начал (факторов) народного представительства, тех реальных контуров, в которые посредством норм права (преимущественно конституционного) облачается публичная власть, и, как следствие, приходит к выводу, что организационные начала предполагают совмещение представительства и срока полномочий органов публичной власти, а также решение вопросов о возможности их досрочного прекращения или продления⁴.

Как следует из сформулированных Конституционным Судом РФ правовых позиций, конституционно значимые цели поиска оптимальных вариантов регламентации избирательных процедур, опосредующих проведение выборов Государственной Думы, в частности совмещение дня голосования на выборах депутатов Государственной Думы с единым днем голосования на выборах органов государственной власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления, могут служить необходимым обоснованием для «освобождения» Государственной Думы от установленной обязанности дорабатывать пятилетний нормативный срок полномочий. Не исключено, что с точки зрения реализации права граждан на участие в управлении делами государства ситуация могла бы быть иной, если бы речь зашла о продлении срока полномочий, а не его сокращении. Вероятно, и вердикт Суда в таком случае мог бы быть принципиально иным. В рамках же толкования ст. 96 (ч. 1) и ст. 99 (ч. 1, 2 и 4) Конституции Российской Федерации на предмет сокращения фактического срока полномочий Государственной Думы действующего созыва Конституционный Суд посчитал достаточно весомыми и конституционно значимыми такие заметные позитивные результаты переноса парламентских выборов на единый день голосования, как упорядочение электоральных циклов, экономия бюджетных средств, повышение явки избирателей и т.д.

Не со всеми аргументами Суда можно полностью согласиться. Так, Суд указал, что перенос именно даты выборов Государственной Думы на единый день голосования позволяет проводить их одновременно с региональными и муниципальными выборами, не прибегая к изменению сроков полномочий соответствующих органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, что — вследствие отнесения федеративной природы российской государственности и самостоятельности местного самоуправления к основам конституционного строя России — также не может рассматриваться как не имеющее конституционного смысла. Думается, однако, что в «чистом» виде это может относиться только к тем органам местного самоуправления, которые были избраны на четырехлетний срок полномочий в единый день голосования 14 октября 2012 г.

Вместе с тем применительно к законодательным (представительным) органам государственной власти субъектов Российской Федерации изменение дня голосования на выборах депутатов Государственной Думы скажется и на периодичности выборов региональных парламента, которые были избраны в 2011 г. на пять лет. Из двенадцати законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, избранных в единый день голосования 13 марта 2011 г., у одиннадцати нормативный срок полномочий — пять лет. Из двадцати восьми законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Федерации, избранных одновременно с Государственной Думой шестого созыва 4 декабря 2011 г., у двадцати четырех полномочия истекают одновременно с Государственной Думой в 2016 г. В результате в силу требований п. 2 ст. 8 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с переносом выборов депутатов Государственной Думы 24 региональных парламента должны будут сократить фактический срок своих полномочий на 11 недель. С другой стороны, в 11 субъектах Федерации фактический срок полномочий законодательных органов составит пять лет и шесть месяцев, а не пять лет и девять месяцев, как если бы голосование состоялось в декабре 2016 г. Аналогично изменятся и сроки полномочий органов местного самоуправления, избранных в 2011 г. на пятилетний срок. Тем не менее, поскольку перенос дня голосования на выборах Государственной Думы шестого созыва никак не повлияет на сроки полномочий подавляющего большинства выборных органов государственной власти и местного самоуправления, полагаем, что незначительное изменение фактического срока полномочий ограниченного числа органов публичной власти не может поставить под сомнение толкование

³ Там же.

⁴ Авакьян С.А. Публичная власть и представительство: организационные, социальные и персоналистские начала (конституционно-правовой взгляд) // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 11. С. 20–30.

ст. 96 и 99 Конституции России, данное Конституционным Судом Российской Федерации.

Стоит напомнить, что правовая позиция о допустимости изменения фактического срока полномочий органов публичной власти неоднократно высказывалась Конституционным Судом в своих решениях, касающихся продления или сокращения нормативных сроков полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также переноса дня голосования на выборах в целях совмещения избирательных кампаний (Постановление от 30 апреля 1997 г. № 7-П, определение от 27 мая 2004 г. № 175-О, от 12 июля 2005 г. № 309-О, от 8 апреля 2010 г. № 440-О-О). Таким образом, рассматривая вопрос о конституционности возможного переноса дня голосования на выборах депутатов Государственной Думы, Конституционный Суд Российской Федерации, по сути, сохранил подходы, которые ранее были выработаны им при оценке норм избирательного и муниципального законодательства.

Так, в своем Постановлении от 30 апреля 1997 г. № 7-П Конституционный Суд, рассматривая соответствующий вопрос в отношении представительных (законодательных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, указал, что в целях обеспечения права граждан на участие в свободных периодических выборах федеральный законодатель вправе установить в качестве общего принципа максимальные сроки полномочий выборных органов субъектов Российской Федерации, что должно предотвращать отступления от реальной периодичности выборов, обеспечивающей смену легислатур в соответствии с волей избирателей в сроки, предусмотренные законом на федеральном и региональном уровнях. В силу этого определенный на федеральном уровне ориентировочный предельный срок для проведения очередных выборов в органы законодательной власти субъектов Российской Федерации не противоречит представлениям о характерной как для российской, так и для мировой практики периодичности выборов. Установление же в рамках предельных сроков самими субъектами Российской Федерации даты выборов в соответствии с тем порядком, который определен их законами, не может квалифицироваться как нарушение избирательных прав граждан.

Относительно самоуправленческого уровня публичной власти Конституционным Судом сформулирована правовая позиция, согласно которой совмещение муниципальных выборов посредством продления или сокращения сроков полномочий органов местного самоуправления не направлено на ограничение самостоятельности местного самоуправления, имеет целью синхронизировать выборы органов местного самоуправления с региональными и федеральными избирательными циклами и допускается лишь с соблюдением ряда условий, одним из которых является однократность изменения нормативных сроков полномочий. При этом такое регулирование не

может изменять положений уставов муниципальных образований об установленных сроках полномочий органов и выборных должностных лиц местного самоуправления и препятствовать реализации гражданами права на участие в управлении делами государства и избирательных прав (определение от 20 октября 2005 г. № 407-О, от 18 апреля 2006 г. № 142-О, от 8 апреля 2010 г. № 440-О и др.).

Таким образом, Конституционный Суд последовательно придерживается линии, согласно которой изменение (уменьшение или увеличение) фактических сроков полномочий публичных органов власти в связи с переносом дня голосования на иные, отличные от нормативных, сроки является допустимым, если носит разовый (однократный) характер и не препятствует осуществлению избирательных прав граждан. Кроме того, такие изменения не требуют пересмотра нормативных сроков полномочий органов власти, установленных в соответствующих конституциях, уставах и законах субъектов Российской Федерации и уставах муниципальных образований.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что срок полномочий, в качестве элемента механизма назначения выборов, имеет приоритетное значение в сравнении с его принадлежностью к статусу соответствующего органа или должностного лица. Это, в частности, подтверждается и тем, что порядок исчисления сроков полномочий публичных органов власти установлен именно в избирательном законодательстве (ст. 8 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»). При этом избирательным законодательством принципиально не исключается продление или сокращение сроков полномочий органов публичной власти в зависимости от конкретных результатов голосования избирателей, в чем можно убедиться на примере института выборов главы муниципального образования.

Глава муниципального образования имеет своеобразный правовой статус — это не только орган местного самоуправления, но и выборное должностное лицо. Срок полномочий главы, как выборного должностного лица, наряду с депутатами и членами выборного органа местного самоуправления в соответствии с требованиями п. 2 ст. 40 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», устанавливается в каждом муниципальном образовании своим уставом и не может быть менее двух и более пяти лет.

Ранее Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливал, что срок полномочий органов местного самоуправления определяется только уставом муниципального образования. Согласно дополнениям, внесенным Федеральным законом от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации

законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в настоящее время срок полномочий органов местного самоуправления определяется уставом муниципального образования, в соответствии с законом субъекта Российской Федерации. Естественно, что указанные новеллы федерального законодательства повлекли за собой соответствующие изменения в региональных законах, в связи с чем в Приморском крае, например, установлено, что срок полномочий глав муниципальных образований Приморского края составляет пять лет (ст. 1 Закона Приморского края от 18 ноября 2014 г. № 495-КЗ «О сроке полномочий представительных органов и глав муниципальных образований Приморского края, порядке формирования представительных органов муниципальных районов и порядке избрания глав муниципальных образований Приморского края»). Заметим тем не менее, что комплексный анализ норм Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» позволяет утверждать, что срок полномочий органов местного самоуправления конкретного муниципального образования должен устанавливаться в его уставе, а законом субъекта Российской Федерации следует лишь обозначать максимально и минимально возможные пределы этого срока в рамках установленных федеральным законом.

Полномочия главы муниципального образования, как выборного должностного лица местного самоуправления, в соответствии со ст. 40 (ч. 3) Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» прекращаются в день вступления в должность вновь избранного должностного лица местного самоуправления. Одновременно Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» предусматривает, что днем окончания срока, на который избираются органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, депутаты указанных органов, является второе воскресенье сентября года, в котором истекает срок полномочий указанных органов и депутатов, а в год проведения выборов депутатов Государственной Думы ФС РФ очередного созыва — день голосования на указанных выборах (ст. 8, п. 1). Соответственно, для избранного в марте 2010 г. на пятилетний срок главы муниципального образования⁵ днем окончания нормативного срока, на который он был избран, должно было стать 13 сентября 2015 г., а днем фактического окончания полномочий — некий день в конце сентября или в начале октября 2015 г., когда реально был избран (на основных выборах или по результатам повторного голосования)

новый глава муниципального образования, определены результаты выборов и проведена процедура вступления в должность нового главы. И такое «продление» срока полномочий прямо вытекает из действующего законодательства.

Предусмотренный избирательным законодательством «срок, на который избираются» органы власти и депутаты, и такой его признак, как день окончания срока, на который они избираются, не имеют, по нашему мнению, директивного значения по отношению к конкретным органам и депутатам. Они зафиксированы преимущественно в целях адекватного исчисления и своевременного назначения очередных выборов, без которого недостижима подлинная периодичность избирательных циклов.

Обоснованность данного вывода со всей отчетливостью проявилась в связи с реформой местного самоуправления. В ее рамках законодатель субъекта Федерации предоставлено право определять способ наделения полномочиями главы муниципального образования — путем муниципальных выборов либо посредством решения представительного органа. Вследствие этого в Приморском крае, как и во многих других российских регионах, законодатели отказались от проведения муниципальных выборов глав городских округов и муниципальных районов.

Если посмотреть на приведенный выше пример с главой муниципального образования, избранного на выборах в марте 2010 г., в контексте изменившегося законодательного регулирования, то становится очевидным, что его полномочия истекли бы ровно через пять лет после вступления в должность (в марте или в апреле 2015 г.), в то время как днем окончания нормативного срока полномочий избранного одновременно с главой представительного органа муниципального образования осталось бы 13 сентября 2015 г. Схожим образом и сроки полномочий всех остальных глав городских округов и муниципальных районов в Приморском крае будут синхронизированы с истечением нормативных сроков, без возможности их фактического уменьшения или продления и вне какой-либо связи с единым днем голосования. В силу этого можно сделать вывод о том, что установленные в избирательном законодательстве правила о сроках полномочий органов публичной власти применимы исключительно к тем субъектам, которые получают властные полномочия путем голосования граждан, и тем самым рассчитаны на регулирование электоральных, а не статусных вопросов. Как справедливо подчеркивается в юридической литературе, избирательные сроки играют исключительно важную роль в осуществлении электоральных прав российских граждан, выступают в качестве одного из основных элементов, связующих избирательные действия всех участников подготовки и проведения выборов, определяют последовательность их совершения,

⁵ До 2012 г. законодательством было установлено два единых дня голосования — второе воскресенье марта и второе воскресенье сентября года, в котором истекают полномочия соответствующих органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

а потому несоблюдение сроков избирательных действий может деформировать весь процесс выборов, послужить причиной недействительности их результатов⁶.

Избирательное законодательство, регулируя сроки полномочий органов публичной власти и их депутатов как избирательные сроки, выделяет два вида сроков — «срок, на который избираются органы государственной власти, органы местного самоуправления, депутаты указанных органов», и непосредственно «срок полномочий указанных органов и депутатов». Первый вид — это нормативный (установленный) срок полномочий; второй — фактический (действительный) срок полномочий. Такая дифференциация не случайна. Она обеспечивает достижение целей правового регулирования сроков полномочий органов и депутатов в электоральном процессе.

Изложенное свидетельствует, что ст. 8 Федерального закона «Об основных гарантиях изби-

рательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» регулирует избирательные сроки и как таковая не направлена на закрепление временных параметров деятельности выборных субъектов публичной власти. У сроков полномочий в избирательном праве иное предназначение. Они служат не элементом правового статуса органов и депутатов, а обеспечивают реализацию принципов обязательности и периодичности проведения выборов. Эти сроки установлены для своевременного назначения выборов следующего созыва. Оказывая непосредственное влияние на время, в течение которого осуществляются властные функции органами и должностными лицами, сроки полномочий в качестве как избирательных сроков ориентированы еще и на достижение иных конституционно значимых целей — своевременного назначения, периодического проведения выборов и легитимной сменяемости субъектов публичной власти.

⁶ Князев С.Д. Российское избирательное право : учебник. Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2001. С. 285.

Орган конституционной юстиции в субъекте Российской Федерации

*Иналкаева Казбан Саматовна,
доцент кафедры конституционного и административного права
Чеченского государственного университета,
кандидат юридических наук
Kazban1961@mail.ru*

В статье исследуется юридическая природа конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации на примере Конституционного Суда Чеченской Республики.

Ключевые слова: Конституционный Суд, субъект Российской Федерации, государственная власть, права человека, конституционное судопроизводство.

Конституционный Суд является новым органом государственной власти и относится к органам конституционной юстиции, которые начали функционировать на федеральном и региональном уровнях в начале 1990-х годов, когда Россия взяла курс на построение демократического правового федеративного государства. Становление правового государства невозможно без совершенствования юридических механизмов защиты конституционных прав граждан, в том числе связанных с деятельностью специальных судебных органов, реализуемой в форме конституционного судопроизводства¹.

Ученые-конституционалисты отмечали целесообразность создания органа конституционного контроля, теоретическое обоснование его создания нашло также воплощение в концепции судебной реформы в Российской Федерации, одобренной Верховным Советом РСФСР².

Образованию органов конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации способствовали и другие причины. В октябре 1991 г. был избран Конституционный Суд РСФСР, а еще ранее, в мае 1991 г., Верховный Совет РСФСР признал, что учреждение Конституционного Суда РСФСР не препятствует созданию в республиках собственных органов конституционного надзора и обеспечению охраны своего конституционного строя собственными силами.

Некоторые субъекты Российской Федерации стали создавать собственные органы конституционного контроля, не дожидаясь законодательного решения вопроса об образовании региональных органов конституционного контроля на федеральном уровне. Назывались они по-разному,

так, например, в Кабардино-Балкарии и Дагестане — Конституционный суд, в Северной Осетии — Комитет конституционного контроля, в Адыгее — Конституционная палата и т.д. В основном на территории бывшего Союза действовали комитеты конституционного контроля.

Конституционный Суд Российской Федерации также исходит из того, что конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации «обладают исключительным полномочием осуществлять проверку нормативных актов субъектов Федерации на предмет их соответствия конституциям (уставам) субъектов Федерации и лишать эти акты юридической силы, если такое их полномочие предусматривается конституциями (уставами) субъектов Федерации...»³

Рассмотрим правовую природу конституционных (уставных судов) субъектов Российской Федерации на примере Конституционного Суда Чеченской Республики.

Итак, Конституционный Суд Чеченской Республики — судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства в Чеченской Республике. История становления Конституционного Суда Чеченской Республики весьма коротка. В связи с известными событиями в Чеченской Республике Конституционный Суд Чеченской Республики создан только в 2007 г. на основании Конституционного закона Чеченской Республики «О Конституционном Суде Чеченской Республики»⁴.

Конституционный Суд Российской Федерации, определяя место и статус конституционных (уставных) судов в системе органов государствен-

¹ Ишеков К.А. Реализация конституционного принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации / под ред. П.П. Сергуна. Саратов : ГОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», 2012.

² Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М., 1992. С. 48.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции» // Сборник решений Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, ВАС РФ по вопросам деятельности ПФ РФ, ч. 1, 2004 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Конституционный закон Чеченской Республики от 24 мая 2006 г. № 2-РКЗ (ред. от 31.12.2010) «О Конституционном Суде Чеченской Республики» // СПС «Консультант Регион».

ной власти, многократно указывал, что они действуют на основе Конституции Российской Федерации и не могут рассматриваться в качестве самостоятельной системы судебной власти субъекта Российской Федерации, не входящей в судебную систему Российской Федерации. Однако в силу ст. 2 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» конституционные (уставные) суды входят в систему органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Следовательно, Конституционный Суд Чеченской Республики входит в единую судебную систему Российской Федерации, но является судом Чеченской Республики. В связи с чем было бы целесообразно ч. 1 ст. 100 Конституции Чеченской Республики изложить в следующей редакции: «Конституционный Суд Чеченской Республики является судебным органом, осуществляющим конституционное правосудие в Чеченской Республике, и входит в судебную систему Российской Федерации».

Конституционный закон Чеченской Республики «О Конституционном Суде Чеченской Республики» наделяет Конституционный Суд Чеченской Республики достаточно широкими полномочиями, которые направлены на защиту конституционного строя Чеченской Республики, основных прав и свобод человека и гражданина, верховенства и непосредственного действия Конституции Чеченской Республики, принципа разделения властей, укрепление законности в правотворчестве и применении права. Данные характеристики указывают на высокий статус Конституционного Суда Чеченской Республики в системе органов государственной власти республики, определяют цели и задачи, осуществляемые в ходе реализации своих полномочий.

Основными принципами деятельности Конституционного Суда Чеченской Республики являются независимость, коллегиальность, гласность, состязательность и равноправие сторон, непрерывность судебного заседания, устность разбирательства, язык конституционного судопроизводства (производство в Конституционном Суде Чеченской Республики ведется на государственных языках Чеченской Республики — чеченский и русский языки).

Конституционным законом Чеченской Республики «О Конституционном Суде Чеченской Республики» подробно регулируются порядок принятия и рассмотрения обращений, а также правила и особенности судопроизводства в Конституционном Суде Чеченской Республики. В Конституци-

онный Суд Чеченской Республики можно обратиться не только с запросом, но и с ходатайством и жалобой, что позволяет говорить, что в Чеченской Республике представляется максимальный объем гарантий защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, их законных интересов. При этом Конституционный Суд Чеченской Республики решает исключительно вопросы права и воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов.

Так, например, Конституционный Суд Чеченской Республики рассмотрел в открытом судебном заседании дело о проверке соответствия Конституции Чеченской Республики Постановления Правительства Чеченской Республики от 9 июня 2009 г. № 100 «Об утверждении порядка начисления и осуществления в Чеченской Республике ежемесячных денежных выплат реабилитированным лицам и лицам, пострадавшим от политических репрессий» и Закона Чеченской Республики от 5 июля 2010 г. № 25-РЗ «О мерах социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, ветеранов труда и тружеников тыла»⁵. Поводом к рассмотрению дела явилось обращение гражданина С.-С.Р. Цадаева о признании не соответствующими Конституции Чеченской Республики вышеуказанных нормативных актов Чеченской Республики. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Чеченской Республики оспариваемые нормативные акты. По мнению заявителя, этими нормативными актами льготы репрессированным лицам и лицам, признанным пострадавшим от политических репрессий, существенно снижены.

Однако Конституционный Суд Чеченской Республики постановил: «Признать Постановление Правительства Чеченской Республики от 9 июня 2009 года № 100 «Об утверждении порядка начисления и осуществления в Чеченской Республике ежемесячных денежных выплат реабилитированным лицам и лицам, пострадавшим от политических репрессий» и Закон Чеченской Республики от 5 июля 2010 г. № 25-РЗ «О мерах социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, ветеранов труда и тружеников тыла» соответствующими Конституции Чеченской Республики, ее статьям 3, 50, 52 (часть 2), 58»⁶. Конституционный Суд Чеченской Республики мотивировал это тем, что правовые предписания Постановления

⁵ Закон Чеченской Республики от 5 июля 2010 г. № 25-РЗ (ред. от 29.10.2014) «О мерах социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, ветеранов труда и тружеников тыла» // СПС «Консультант Регион».

⁶ Постановление Конституционного Суда Чеченской Республики от 2 декабря 2011 г. № 1-П «По делу о соответствии Конституции Чеченской Республики Постановления Правительства Чеченской Республики от 9 июня 2009 года № 100 «Об утверждении порядка начисления и осуществления в Чеченской Республике ежемесячных денежных выплат реабилитированным лицам и лицам, пострадавшим от политических репрессий» и Закона Чеченской Республики от 5 июля 2010 г. № 25-РЗ «О мерах социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, ветеранов труда и тружеников тыла» // СПС «Кодекс Региональное законодательство».

Правительства Чеченской Республики № 100 и указанного закона в системе действующего правового регулирования социальной защиты жертв политических репрессий не могут рассматриваться как ухудшающие их материальное положение, поскольку меры социальной поддержки предоставляются им в объеме не ниже гарантированного уровня социальной защиты данной категории граждан, не умаляют конституционные права жертв политических репрессий и не противоречат действующему законодательству Российской Федерации и Чеченской Республики, а также нормам международного права. При этом Конституционный Суд Чеченской Республики подчеркнул, что реабилитированным лицам и лицам, пострадавшим от политических репрессий, установлены также и иные меры социальной поддержки согласно Закону Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий»⁷.

Статус судьи Конституционного Суда Чеченской Республики определяется Законом Российской Федерации «О статусе судей Российской Федерации»⁸, Конституцией Чеченской Республики⁹, Конституционным законом Чеченской Республики «О Конституционном Суде Чеченской Республики». О высоком правовом статусе судьи свидетельствуют гарантии его независимости, которые обеспечиваются несменяемостью, неприкосновенностью, запретом вмешательства в судебную деятельность, обязательностью установленной процедуры конституционного судопроизводства, правом на отставку, предоставлением судье материального и социального обеспечения и т.д.

Важность выполняемых судьей Конституционного Суда Чеченской Республики задач, сложность рассматриваемых им дел обуславливают высокие требования, предъявляемые к кандидату на должность судьи. Наряду с общими требованиями, которые установлены для судьи, к судье Конституционного Суда Чеченской Республики могут быть установлены специальные требования к стажу работы по юридической специальности, возрасту. Законодательством Чеченской Республики не установлен стаж работы по юридической профессии применительно к кандидату на должность судьи Конституционного Суда Чеченской Республики, как, например, для кандидатов на должность судьи Конституционного Суда Российской Федерации, для которых установлен стаж работы по юридической профессии 15 лет. В некоторых субъектах Российской Федерации, как правило, на должность судьи конституционного (уставного) суда рекомендуются юристы с ученой степенью.

Скрупулезное закрепление законодательством как на федеральном уровне, так и на региональном уровне обязательных требований к статусу судьи — это не прихоть законодателя. Только лицу, соот-

ветствующему высоким требованиям, общество может доверить осуществление правосудия.

По принятым к рассмотрению обращениям Конституционный Суд Чеченской Республики выносит решения, которые являются окончательными, не подлежат обжалованию и вступают в силу немедленно после их провозглашения. При этом надо иметь в виду, что разрешение любого дела, будь то проверка закона, нормативного правового акта, отдельных его положений на предмет соответствия Конституции, должно быть безупречным с точки зрения права. Это кропотливая и долгая работа, которая порой имеет поисковый, научно-исследовательский характер, с привлечением норм не только республиканского и федерального законодательства, но и европейского и международного права.

Конституционный Суд Чеченской Республики выступает с законодательной инициативой по вопросам своего ведения. Согласно Конституции Чеченской Республики право законодательной инициативы Конституционного Суда Чеченской Республики ограничено предметом его ведения (ст. 82). В правовых позициях, сформулированных в постановлениях Конституционного Суда Чеченской Республики, указывается на необходимость принятия соответствующих нормативных правовых актов. Так, им был подготовлен ряд проектов законов Чеченской Республики о внесении изменений в Конституцию Чеченской Республики, в Конституционный закон Чеченской Республики «О Конституционном Суде Чеченской Республики» в части совершенствования правовых основ деятельности Суда, подготовлен проект закона Чеченской Республики «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Конституционного Суда и мировых судей Чеченской Республики», которые были приняты Парламентом Чеченской Республики, подписаны и обнародованы Главой Чеченской Республики.

Конституционным Судом Чеченской Республики ежегодно издается «Вестник Конституционного Суда», в котором содержатся итоговые решения по рассмотренным делам; нормативные правовые акты, касающиеся организации и деятельности Суда; информация о взаимодействии с иными органами публичной власти и органами судейского сообщества; информация, предназначенная в помощь заявителям, и другие материалы. Эти и другие мероприятия приобретают особую актуальность в связи с дальнейшим формированием правового государства, гражданского общества, повышением социальной ценности прав и свобод человека и гражданина и необходимостью их защиты.

Таким образом, наличие в системе органов государственной власти такого органа конституци-

⁷ Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 (ред. от 30.11.2011) «О реабилитации жертв политических репрессий» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 14.05.2015) «О статусе судей в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Конституция Чеченской Республики. Принята на референдуме Чеченской Республики 23 марта 2003 г. (ред. от 30.09.2014) // СПС «Консультант Регион».

онного контроля, как Конституционный Суд, свидетельствует о достижении качественно высокого уровня развития системы органов власти в субъекте Российской Федерации.

Литература

1. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 14.05.2015) «О статусе судей в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 (ред. от 30.11.2011) «О реабилитации жертв политических репрессий» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Закон Чеченской Республики от 5 июля 2010 г. № 25-РЗ (ред. от 29.10.2014) «О мерах социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, ветеранов труда и тружеников тыла» // СПС «Консультант Регион».
4. Ишеков К.А. Реализация конституционного принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации / под ред. П.П. Сергуна. Саратов : ГОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», 2012.
5. Конституция Чеченской Республики. Принята на референдуме Чеченской Республики 23 марта 2003 г. (ред. от 30.09.2014) // СПС «Консультант Регион».
6. Конституционный закон Чеченской Республики от 24 мая 2006 г. № 2-РКЗ (ред. от 31.12.2010) «О Конституционном Суде Чеченской Республики» // СПС «Консультант Регион».
7. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М., 1992. С. 48.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции»: Сборник решений Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, ВАС РФ по вопросам деятельности ПФ РФ», ч. 1, 2004 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Конституционного Суда Чеченской Республики от 2 декабря 2011 г. № 1-П «По делу о соответствии Конституции Чеченской Республики Постановления Правительства Чеченской Республики от 9 июня 2009 года № 100 «Об утверждении порядка начисления и осуществления в Чеченской Республике ежемесячных денежных выплат реабилитированным лицам и лицам, пострадавшим от политических репрессий» и Закона Чеченской Республики от 5 июля 2010 г. № 25-РЗ «О мерах социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, ветеранов труда и тружеников тыла» // СПС «Кодекс. Региональное законодательство».

Условия допустимости обращений граждан в Конституционный Суд Российской Федерации и Конституционный Совет Франции

*Кокотова Мария Александровна,
преподаватель кафедры конституционного права
Уральского государственного юридического университета,
кандидат юридических наук
km231089@yandex.ru*

Настоящая статья посвящена требованиям к обращениям граждан в Конституционный Суд Российской Федерации и Конституционный Совет Франции. Автор отмечает, что данные требования нуждаются в гибкости, для достижения которой недостаточно их законодательного закрепления. Это обосновывает участие Конституционного Суда и Конституционного Совета в определении этих требований посредством толкования законодательных положений. Автор делает вывод о том, что в целом данные требования являются сходными для обоих органов и различаются в большей мере выражающими их формулировками. Также рассматривается развитие правового регулирования в данной сфере и выделяются его тенденции.

Ключевые слова: обращения граждан, требования к обращениям, конституционный контроль, Конституционный Суд Российской Федерации, Конституционный Совет Франции.

Практику проверки конституционности законов по обращениям граждан от осуществления иных полномочий органов конституционного контроля отличает, как правило, значительное число обращений. При этом их надлежащее рассмотрение в установленные сроки зачастую затруднено в силу недостаточности материальных и кадровых ресурсов органа конституционного контроля. Поэтому для данного вида обращений особенно актуальным является определение требований допустимости к поступающим обращениям. Рассмотрим названные требования, используемые Конституционным Судом РФ и Конституционным Советом Франции, в сравнении.

Следует сразу отметить, что если порядок осуществления конституционного контроля по обращениям граждан в Конституционном Суде Российской Федерации давно сложился, хотя и не остается неизменным, то Конституционный Совет Франции начал осуществлять такую проверку только с 2010 г.: данная процедура, находящаяся в стадии становления, получила название «приоритетный вопрос конституционности». Во Франции обращение гражданина о конституционности подлежащего применению в его судебном деле закона направляется в Конституционный Совет до завершения указанного судебного разбирательства. При этом до того, как оно попадет в Конституционный Совет, его допустимость проверяет суд, рассматривающий дело по существу, а затем Кассационный Суд или Государственный Совет — высшие инстанции соответственно для общегражданских и

административных судов — в соответствии с тем, в каком суде рассматривалось дело. Разбирательство приостанавливается для вынесения Конституционным Советом соответствующего решения.

В России и Франции применяются схожие требования о допустимости: оспариваемая норма применена в деле заявителя, рассмотрение которого завершено в суде (в России), или подлежит применению в судебном деле с участием заявителя (во Франции); она не была ранее предметом рассмотрения в органе конституционного контроля в том аспекте, в котором ее оспаривает заявитель; она нарушает конституционные права заявителя. Различаются лишь конкретные формулировки, закрепляющие названные требования, и степень подробности их регулирования.

Важным различием является требование о серьезном характере вопроса о конституционности, которое содержится в органическом законе «О Конституционном Совете» (ст. 23-2) и отсутствует в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации». В докладе, сделанном парламентской комиссией, рассматривавшей проект закона о внесении изменений в связи с введением приоритетного вопроса конституционности в органический закон «О Конституционном Совете», указывалось, что это требование позволяет отсеять обращения, поданные с целью затянуть судебное разбирательство¹. Данная формулировка является, очевидно, оценочной и, как считают исследователи К. Магю и Ж.-А. Стал, «немного дискриминационной»²,

¹ Rapport № 637 (2008-2009) de M. Hugues Portelli, fait au nom de la commission des lois, déposé le 29 septembre 2009. URL: <http://www.senat.fr/rap/108-637/108-6379.html#toc75>

² Maguë K., Stahl J.-L. Question prioritaire de constitutionnalité. P., 2011. P. 60.

требует фактически проведения предварительного контроля конституционности³. При этом Государственный Совет и Кассационный Суд в своих решениях не обязаны приводить доводы, на основании которых они пришли к выводу о недостаточно серьезном характере вопроса о конституционности, что еще больше увеличивает пределы их усмотрения.

Впрочем, решение о наличии или отсутствии у вопроса серьезного характера, конечно, основывается на анализе практики Конституционного Совета⁴, который обладает приоритетом по истолкованию этого «конституционного механизма защиты прав и свобод»⁵. Поскольку суд, рассматривающий дело гражданина, должен проверить, является ли обращение последнего в Конституционный Совет новым (т.е. не проверялась ли уже конституционность оспариваемого положения) и серьезным (в том числе не является ли возникшая неконституционность результатом применения оспариваемой нормы без учета толкования Конституции, данного Конституционным Советом), данная процедура делает неизбежным обращение судов к практике Конституционного Совета⁶.

Правовед М. Гийомэ считает, что критерий новизны не позволяет судьям самостоятельно разрешать не урегулированные Конституционным Советом вопросы, ссылаясь на то, что они не являются серьезными⁷. В силу этого приоритетный вопрос конституционности обеспечивает монополию Конституционного Совета на толкование Конституции⁸.

Наличие такого требования во французском законодательстве, а также процедура рассмотрения приоритетного вопроса конституционности в целом говорят о том, что доступ граждан в Конституционный Совет Франции является менее широким, чем в Конституционный Суд России. В то же время следует отметить, что российским аналогом понятия «серьезный характер вопроса» можно назвать понятие «неопределенность» в вопросе о конституционности нормы, закрепленное ст. 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Отсутствие неопределенности в вопросе о конституционности нормы, которую требует про-

верить гражданин, также служит основанием для отказа в рассмотрении его обращения.

Заметим, что в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» также есть требования допустимости, которые прямо не закреплены французским законодателем. Это требования: о подведомственности (п. 1 ст. 43); о надлежащем субъекте обращения (п. 3 ч. 1 ст. 40); о том, что оспариваемый акт должен быть действующим, за исключением случаев, когда он продолжает применяться к правоотношениям, возникшим в период его действия (п. 4 ст. 43). Однако, как представляется, здесь речь идет скорее не о различии требований допустимости обращений, а о различной степени подробности их нормативного закрепления. Очевидно, что Конституционный Совет не будет принимать обращение, явно не подведомственное ему, например вопрос о конституционности регламентарного акта, или обращение, поданное ненадлежащим субъектом, просто основываясь на нормах, определяющих его компетенцию и статус уполномоченных обращаться к нему субъектов. Что касается обращений о конституционности утратившего силу акта или акта, продолжающего применяться к правоотношениям, возникшим в период его действия, то они исключены в силу принятой во Франции схемы обращения.

Необходимо указать, что применительно к обоим рассматриваемым органам основания для отказа в принятии обращения не исчерпываются специально называемыми в законе требованиями о допустимости. К ним можно отнести также условия, касающиеся формы и содержания обращения, а также требования к предмету и основаниям обращения, содержащиеся в различных положениях закона.

Что касается толкования очерченных выше требований допустимости, то интересно, в частности, решение в практике Конституционного Суда России вопроса о том, была ли норма применена в конкретном деле. Конституционный Суд указал, что сама по себе ссылка в решении суда на положение закона не означает, что данная норма применялась судом к гражданину⁹. Исползованная норма не считается примененной в случае, если она носила информационный характер¹⁰ или определяет подведомственность спора¹¹. Что касается

³ На это указывается в отчете Кассационного Суда за 2012 г. URL: http://www.courdecassation.fr/IMG/pdf/rapport_ccassation_2012.pdf

⁴ Botteghi D., Daumas V., Lieber S.-J. La question prioritaire de constitutionnalité vue du Conseil d'État // Cahiers du Conseil constitutionnel. 2010. № 29. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/nouveaux-cahiers-du-conseil/cahier-n-29/la-question-prioritaire-de-constitutionnalite-vue-du-conseil-d-etat.52732.html>

⁵ Foucher K. Quand l'invocation de la Charte de l'environnement permet d'exclure les dispositions législatives non normatives du champ de l'application de la QPC / K. Foucher // Constitutions. 2012. № 1. P. 147.

⁶ Disant M. L'autorité de la chose interprétée par le Conseil constitutionnel // Cahiers du Conseil constitutionnel. 2010. № 28. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/nouveaux-cahiers-du-conseil/cahier-n-28/l-autorite-de-la-chose-interpretée-par-le-conseil-constitutionnel-permanence-et-actualite-s.52728.html>. Об этом см. также: Desaulnay O. L'autorité des décisions du Conseil constitutionnel vue par la Cour de cassation // Nouveaux Cahiers du Conseil constitutionnel. 2011. № 30. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/nouveaux-cahiers-du-conseil/cahier-n-30/l-autorite-des-decisions-du-conseil-constitutionnel-vue-par-la-cour-de-cassation.53155.html>

⁷ Guillaume M. L'autorité des décisions du Conseil constitutionnel: vers de nouveaux équilibres? // Nouveaux Cahiers du Conseil constitutionnel. 2011. № 30. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/nouveaux-cahiers-du-conseil/cahier-n-30/l-autorite-des-decisions-du-conseil-constitutionnel-vers-de-nouveaux-equilibres.53164.html>

⁸ Maus D. Institutions politiques françaises. Paris, 1990. P. 272.

⁹ Определение Конституционного Суда от 18 апреля 2000 г. № 50-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Определение Конституционного Суда от 15 июля 2010 г. № 1039-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Определение Конституционного Суда от 23 января 2003 г. № 15-О // СПС «КонсультантПлюс».

Конституционного Совета Франции, то у него нет необходимости разрешать этот вопрос, так как его разрешает суд, рассматривающий дело гражданина по существу.

Отдельного внимания заслуживает требование допустимости обращений, применяемое в России и Франции, заключающееся в отказе органа конституционного контроля от проверки нормы, ранее им проверенной. Этот отказ не является абсолютным: ст. 23-2 ордонанса, вводящего органический закон «О Конституционном Совете», содержит такое основание для повторной проверки уже рассмотренной нормы, как «изменение обстоятельств». Данная конструкция, ограничивающая действие принципа окончательности решений Конституционного Совета, закрепленного в ст. 62 Конституции, оставляет широкий простор для толкования.

В практике Конституционного Суда РФ имеется близкая конструкция. В Постановлении от 21 декабря 2005 г. он указал: «Поскольку положения Конституции России проявляют свое регулятивное воздействие как непосредственно, так и посредством конкретизирующих их законов в определенной системе правового регулирования, притом в развивающемся социально-историческом контексте, правовые позиции, сформулированные Конституционным Судом России в результате интерпретации, истолкования тех или иных положений Конституции России применительно к проверяемому нормативному акту в системе прежнего правового регулирования и имевшей место в то время конституционной практики, могут уточняться либо изменяться, с тем чтобы адекватно выявить смысл тех или иных конституционных норм, их букву и дух, с учетом конкретных социально-правовых условий их реализации, включая изменения в системе правового регулирования»¹².

Однако во Франции конструкция «изменение обстоятельств» не просто признана, но и детально разработана. Конституционный Совет уже признал в своей практике изменением обстоятельств изменение Конституции¹³, изменение оспариваемого закона¹⁴ и даже свою собственную позицию¹⁵.

Таким образом, основания для отказа в принятии обращений в России и Франции во многом схожи. В то же время данные основания не остаются неизменными и в большой степени направлены на упорядочивающее ограничение сферы действия последующего конституционного контроля. Прежде всего это связано с ограничением круга норм, конституционность которых может быть оспорена. В России эти ограничения коснулись связи нормы с делом заявителя. Изначально предметом обращения могла быть норма, подлежащая приме-

нению или примененная в конкретном деле. Такая формулировка задавала весьма широкий перечень подлежащих рассмотрению норм. При этом если понятие нормы, «примененной в конкретном деле», является достаточно четким, то понятие нормы, «подлежащей применению», предполагало серьезное домысливание. Федеральным конституционным законом от 3 ноября 2010 г. данная категория актов была просто исключена из числа актов, которые могут обжаловаться гражданами в Конституционный Суд РФ.

Во Франции ограничения были введены самим Конституционным Советом и касаются типа актов, которые могут быть оспорены. Во-первых, можно говорить об ограничении последующего конституционного контроля законов в пользу конституционного контроля регламентарных актов (актов органов исполнительной власти), осуществляемого Государственным Советом.

Разграничение полномочий по конституционному контролю между Конституционным Советом и Государственным Советом периодически уточняется самими этими органами. Оно зависит не только от формы акта, но и от того, как определяется граница между сферой регулирования законодателя и органов исполнительной власти. Эта граница проведена в ст. 34 Конституции Франции, закрепившей закрытый перечень вопросов, регулируемых законом, однако на практике, конечно, возникают вопросы о том, куда отнести тот или иной конкретный вопрос¹⁶.

После введения приоритетного вопроса конституционности это разграничение потребовало нового уточнения. В Конституционный Совет обратились с вопросом о конституционности ордонанса, принятого по вопросам законодательного регулирования, но не одобренного парламентом. Такие акты, как отмечают исследователи, являются весьма многочисленными¹⁷. Их правовая природа, а соответственно и возможность их проверки Конституционным Советом является спорной. С одной стороны, они отвечают материальному определению закона, поскольку принимаются по соответствующему вопросу. С другой стороны, они не исходят от парламента. Конституционный Совет в данной ситуации истолковал свою компетенцию ограничительно, отказавшись признать эти акты законами. В решении от 10 февраля 2012 г.¹⁸ о проверке конституционности статей L. 3123-1 и L. 3123-2 Транспортного кодекса он указал, что проверка статей, кодифицированных ордонансом, который впоследствии не был одобрен парламентом, не относится к его компетенции.

Во-вторых, произошло ограничение последующего конституционного контроля в его соотно-

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336.

¹³ Décision № 2012-233 QPC du 21 février 2012 // JORF du 22 février 2012. P. 3023.

¹⁴ Décision № 2013-331 QPC du 05 juillet 2013 // JORF du 7 juillet 2013. P. 11356.

¹⁵ Décision № 2011-125 QPC du 06 mai 2011 // JORF du 7 mai 2011. P. 7850.

¹⁶ Конституционный Совет имеет право определять по обращениям правительства, президента, председателей палат парламента, групп депутатов или сенаторов, не выходит ли закон за пределы, очерченные статьей 34 Конституции.

¹⁷ Le Pouriet A.M. Droit constitutionnel. Paris, 2012. P. 385.

¹⁸ Décision № 2011-219 QPC du 10 février 2012 // JORF du 11 février 2012. P. 2440.

шении с предварительным. Последующий контроль по своей сути предполагает возможность проверки конституционности более широкого круга актов, чем предварительный. В рамках последующего контроля могут быть рассмотрены все законы, принятые до создания Конституционного Совета, и законы, вступившие в силу во время его существования, конституционность которых не была им проверена. Эти последствия были ожидаемыми, юристы называли целью реформы освобождение системы законодательства от заведомо неконституционных актов, которые суды, тем не менее, были вынуждены применять¹⁹.

В то же время Конституционный Совет, стремясь обеспечить правовую определенность, не проявляет готовности проверить вновь законы, принятые до 1958 г., с точки зрения их соответствия действующей Конституции. Он указал, что применительно к законам, принятым до вступления ныне действующей Конституции 1958 г., не может быть оспорено в рамках приоритетного вопроса конституционности наличие пробела²⁰.

Для объяснения того, почему были избраны именно решения о пробелах, следует сделать отступление и пояснить, как раскрывается содержание понятия «пробел». Конституционный Совет делает вывод о нарушении конституционных прав не только и не столько в случае отсутствия правового регулирования, сколько в случае противоречащего Конституции делегирования законодателем нормотворческих полномочий другим органам. Например, в решении от 6 октября 2010 г.²¹ он признал неконституционным делегирование полномочий по определению условий присвоения доменных имен правительству.

Такое понимание порождается представлениями о принципиальной неравноценности нормы, принятой представителями народа, по отношению к той, которая принимается назначаемыми лицами²². Поэтому вопросы о конституционности, связанные с определением компетенции законодателя, занимают отдельное место в практике Конституционного Совета.

Следует отметить, что в рамках последующего контроля конституционности легче сделать обоснованный вывод о наличии пробела, поскольку о нем можно судить по правоприменительной практике, а не только исходить из предположений о будущем применении нормы. Поэтому появились решения, в которых наличие неконституционного пробела констатировалось не на основа-

нии наличия, к примеру, бланкетной нормы, а в связи с существованием вопросов, регулируемых актами органов исполнительной власти или судебной практикой. В качестве примера можно привести решение от 1 августа 2013 г.²³, признавшее неконституционным первый абзац статьи L. 442-9 Трудового кодекса, в котором закреплялись обязательства публичных предприятий, но не было дано понятие публичного предприятия. В результате это понятие было определено в практике Кассационного Суда, впоследствии измененной. Конституционный Совет указал, что законодатель должен предупреждать появление толкования закона, противоречащее Конституции, и, следовательно, не может передавать административным и судебным органам полномочия по установлению норм, закрепление которых Конституцией вверено только закону.

Однако по большей части поводом для признания существования пробела в законодательстве служат бланкетные нормы, как правило, передающие право урегулирования Государственному Совету. Признание неконституционной такой нормы потребует отмены и акта, принятого Государственным Советом на основании ее. То есть речь идет о проверке конституционности по процедуре принятия актов, уже давно действующих и применяемых. Очевидно, что, если таким образом будут отменяться законы, принятые еще до 1958 г., это не будет способствовать обеспечению правовой стабильности. Поэтому понятие нежелание Конституционного Совета признавать неконституционными такие акты. Ведь и Конституционный Суд России отказывался признавать неконституционным закон по процедуре принятия, ссылаясь на то, что это «давало бы возможность поставить под сомнение конституционность и других ранее принятых федеральных законов»²⁴.

Такая практика была продолжена в решении от 3 декабря 2010 г.²⁵, принятом по закону от 2 июня 1891 г., где Конституционный Совет отказался проверять соответствие этого закона статье 34 Конституции 1958 г., поскольку Конституция 1958 г. не существовала на момент принятия оспариваемого закона. Он не отказался рассмотреть приоритетный вопрос конституционности, но принял во внимание только доводы, относящиеся к соответствию закона Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

Такая позиция не является само собой разумеющейся, и она была выработана не сразу. В рамках

¹⁹ Burdeau G., Hamon F., Troper M. Droit constitutionnel. LGDJ. Paris. P. 706.

²⁰ Décision № 2010-28 QPC du 17 septembre 2010 // JORF du 18 septembre 2010. P. 16953.

²¹ Décision № 2010-45 QPC du 06 octobre 2010 // JORF du 7 octobre 2010. P. 18156.

²² Изначально парламент должен был обладать исключительным правом на нормотворчество: «революционеры-создатели Конституции старались лишить исполнительную власть регламентарных полномочий», оставив ей только правоприменение. Впрочем, вскоре «эта прекрасная абстракция столкнулась с конкретной реальностью», и по Конституции правительство получило возможность принимать нормативные правовые акты. См.: Morand-Deville J. Droit administratif. P., 2011. P. 317.

²³ Décision № 2013-336 QPC du 01 août 2013 // JORF du 4 août 2013. P. 13317 (о проверке конституционности первого абзаца статьи L. 442-9 Трудового кодекса, в которой использовался термин «публичное предприятие», смысл которого не был разъяснен).

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 1999 г. № 12-П по делу о проверке конституционности Федерального закона от 15 апреля 1998 года «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории России» // СЗ РФ. 1999. № 30. Ст. 3989.

²⁵ Décision № 2010-73 QPC du 03 décembre 2010 // JORF du 4 décembre 2010. P. 21358.

последующего контроля первым был поставлен вопрос о конституционности закона от 30 апреля 1941 г., посредством которого были одобрены два соглашения, заключенные между министром сельского хозяйства и Сельскохозяйственной компанией Кру. В решении от 14 октября 2010 г.²⁶ Конституционный Совет принял этот вопрос к рассмотрению и признал оспариваемый акт неконституционным.

В упоминавшемся выше решении от 3 декабря 2010 г. он изменил свою позицию, отказавшись проверять соответствие закона конституционным нормам, не действовавшим на момент его вступления в силу, и впоследствии придерживался такого понимания пределов своей компетенции.

Вряд ли можно сказать, что позиция, занятая Конституционным Советом, является бесспорной с точки зрения доктрины. Принцип, согласно которому законность любого действия проверяется с точки зрения акта, действовавшего на момент его совершения, применим скорее к действиям правоприменителей, чем к законодателю, поскольку связан с вопросами привлечения к ответственности. Отмена же закона ни в коей мере не является карой, а предназначена исключительно для пресечения и предупреждения нарушения прав. В силу этого вполне логичной является отмена законов, нарушающих конституционные права граждан, вне зависимости от времени принятия конституционных норм, закрепивших эти права.

К тому же вряд ли можно сказать, что Декларация прав человека и гражданина 1789 г. и Преамбула Конституции 1946 г. действовали на момент принятия оспариваемых законов. Они были созданы исключительно как декларативные, политические документы и в таком качестве существовали до 1971 г., когда Конституционный Совет включил их в «блок конституционности» — совокупность актов и принципов, наличие у которых высшей юридической силы признано Конституционным Советом.

Кроме того, анализируемое решение поднимает вопрос о том, на каком основании существует «блок конституционности». Отказываясь проверять соответствие законов принципам, на момент принятия данных законов не имевшим нормативного закрепления, Конституционный Совет показывает, что нормы, входящие в «блок конституционности», являются позитивным правом, поскольку они возникли в момент их закрепления в тексте закона. Однако в таком случае становится непонятным, на каком основании Конституционный Совет ранее в своих решениях ссылался на принципы, нормативно не закрепленные.

Самостоятельное выведение нормативных правил правоприменительным органом, каким

является Конституционный Совет, может быть оправдано в действующей системе разделения властей концепцией естественного права тем, что эти нормы существовали всегда и были лишь выявлены данным органом. Признание концепции естественного права сохранилось и выражается в том, что Конституционный Совет не считает обязательной ссылкой на конкретную конституционную норму, иногда ограничиваясь указанием на принцип как таковой. Например, в решении, принятом в тот же день, что и решение по компании Кру, Конституционный Совет признал оспариваемую норму противоречащей принципу равенства перед правосудием, праву на защиту²⁷, а в решении от 18 октября 2010 г., принятом несколькими днями позднее, — принципу неизбежности и пропорциональности наказаний, свободе предпринимательства²⁸ без ссылки на акт, в котором закреплены эти принципы.

Таким образом, дифференцированный подход Конституционного Совета к выбору актов, конституционность которых он проверяет, не следует с неизбежностью из доктрины, поэтому логично предположить, что он объясняется тенденцией, задаваемой, в том числе, Конституционным Советом, к упорядочивающему ограничению сферы действия приоритетного вопроса конституционности.

Данная тенденция заключается в конкретизации компетенции Конституционного Совета. После введения последующего конкретного контроля появилась необходимость определить полномочия Конституционного Совета в рамках последующего конституционного контроля так, чтобы они соответствовали его организационно-техническим возможностям, и при этом избежать непредусмотренных изменений в деятельности других органов государственной власти.

Во-первых, могли возникнуть опасения, что массовое изменение долгое время действовавшего законодательства не будет способствовать обеспечению правовой определенности²⁹. Во-вторых, расширение компетенции влечет увеличение объема работы, при том, что материальные и кадровые ресурсы остались прежними. Краткие сроки рассмотрения дела в сочетании с участием граждан, процессуальные права которых в любом случае необходимо обеспечить, порождают необходимость по возможности оптимизировать процедуру рассмотрения дела. Поэтому тенденция к ограничению сферы действия последующего конституционного контроля законов во Франции является прямым следствием ее расширения в результате введения приоритетного вопроса конституционности. В Конституционном Суде России данная

²⁶ Décision № 2010-52 QPC du 14 octobre 2010 // JORF du 15 octobre 2010. P. 18540.

²⁷ Décision № 2010-54 QPC du 14 octobre 2010 // JORF du 15 octobre 2010. P. 18542.

²⁸ Décision № 2010-55 QPC du 18 octobre 2010 // JORF du 19 octobre 2010. P. 18695.

²⁹ На это указывал, например, Л. Фаворо. См.: Favoreu L. Sur l'introduction hypothétique du recours individuel direct devant le Conseil constitutionnel // Cahiers du Conseil constitutionnel. 2001. № 10. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/nouveaux-cahiers-du-conseil/cahier-n-10/sur-l-introduction-hypothetique-du-recours-individuel-direct-devant-le-conseil-constitutionnel.52373.html>

тенденция также существует (задается она в основном усилиями законодателя) наряду с обратной ей тенденцией расширения его полномочий, в том числе им самим³⁰. Применительно к требованиям допустимости обращений данная тенденция проявляется в расширении оснований для отказа в принятии обращения. Так, законодателем в 2014 г. введено новое требование допустимости обращений граждан — примененный в деле заявителя закон он вправе оспорить в Конституционном Суде не позднее одного года после рассмотрения его дела в суде.

Таким образом, можно отметить сходство как существующих требований допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации и Конституционный Совет Франции, так и динамики их развития. Существующие же различия в основном интересны скорее как демонстрация того, насколько в различной логике могут быть изложены одни и те же подходы.

Думается, что данное сходство можно объяснить объективным стремлением любого органа к оптимальному определению объема собственной работы. Оно требует отсутствия неопределенно широких оснований для обращения. Одновременно существует необходимость избежать риска отклонить обращения граждан, права которых действительно в национальном правовом порядке может защитить только орган конституционного контроля. В силу этого необходим гибкий, дифференцированный подход, который сложно обеспечить в законодательстве. Вероятно, именно поэтому требования допустимости в определенной степени определяются самими органами конституционного контроля, а законодательно устанавливаемые требования допустимости предоставляют им определенную свободу усмотрения в определении круга обращений, подлежащих рассмотрению (понятия «серьезный характер вопроса» и «неопределенность» в вопросе о конституционности нормы).

³⁰ О расширении Конституционным Судом своих полномочий см., например: Переплеснина Е.М. Право на обращение с индивидуальной жалобой как гарантия реализации правового статуса личности // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 4. С. 13.

Table of Contents

CONGRATULATIONS ON THE RELEASE OF THE ANNIVERSARY ISSUE OF THE MAGAZINE

Welcome to the chief editor **Sergey Knyazev**

Congratulations of Valery ZORKIN, Nikolai KROPACHEV, Victor BLAJEEV, Talia KHABRIEVA, Vladislav GRIB

Congratulations of Gerhardt HOLZINGER

CONSTITUTIONAL LAW

Nikolay BONDAR. Axiological Foundations of Judicial Implementation of Conventional Requirements into the Legal System of Russia (from the case-law of the Constitutional Court of the Russian Federation)

On the grounds of the axiological approach the article deals with the constitutional adjudication's influence on realisation and implementation of the system of values, principles, and norms, created within the European Conventional jurisdiction, into national legal systems. In this regard axiological foundations of implementation, being regarded from a perspective of national-constitutional integration, are considered on the ground of recognition of unconditional supremacy of the Constitution and the necessity to take into account socio-cultural peculiarity of national legal development. Constitutional adjudication, discovering profound semantic of the content of the Constitution in the changing world, is a decisive instrument of harmonisation and negotiation of possible collisions in the system of the relationships between the European Conventional and national constitutional values.

Keywords: implementation, constitutional values, axiological collisions, constitutional adjudication, European Conventional control.

BONDAR Nikolai Semenovich — judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honoured Lawyer of Russia, Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Contacts: bond@ksrf.ru

THEORY AND PRACTICE OF CONSTITUTIONAL JUSTICE

Pavel BLOHIN. The Induction, the Analogy, the Intuition in the Constitutional-Judicial Perception: an attempt of logics and legal studies

In this paper, as well as in other two previously published in this Journal, the author addresses the issue of analogy in constitutional proceedings. Herewith the author focuses on correspondence of this method of scientific study with other methods of traditional logics: deduction and induction. At the same time the article establishes the method's place in the Russian Constitutional Court practice in comparison with the Anglo-American and continental European ones.

Keywords: constitutional justice, precedent, legal positions, deduction, induction, analogy, intuition.

BLOKHIN Pavel Dmitrievich — Leading Consultant of the judge of the Russian Constitutional Court. Lecturer of Law Department of Higher School of Economics (St-Petersburg)

Contacts: Pavel.Blokhin@ksrf.ru

Eugenie KOROVIN. Elected Public Authorities' Terms of Office: Legal Nature and Electoral Value (based on the jurisprudence of the Constitutional Court of the Russian Federation)

In this article the author examines the legal nature of the terms of office of federal and local government authorities as an element of their legal status and a part of the mechanism of calling an election. The jurisprudence of the Constitutional Court of the Russian Federation along with federal and regional legislation is analysed in the article. In the light of the Constitutional Court's jurisprudence the author concludes that these terms should be considered as an element of election timing and the mechanism of calling the next elections. In this case, a decrease or reduction of public authorities' term of office does not violate constitutional standards.

Keywords: term of office, Constitutional Court, single day of voting, election dates, local government.

KOROVIN Eugenie Mikhailovich — Lecturer of Constitutional and Administrative Law Department (Law School of Far-East Federal University)

Contacts: korovinz@list.ru

TABLE OF CONTENTS

REGIONAL CONSTITUTIONAL JUSTICE

Kazban INALKAYEVA. The Constitutional Justice Organs in the Subjects of the Russian Federation

This article examines the legal nature of constitutional (charter) courts of the subjects of the Russian Federation on the example of the Constitutional Court of the Chechen Republic.

Key words: constitutional court, the subject of the Russian Federation, state power, human rights, constitutional proceedings.

INALKAYEVA Kazban Samatovna — assistant Professor of Constitutional and Administrative law at the Chechen State University, PhD

Contacts: Kazban1961@mail.ru

COMPARATIVE STUDIES

Maria KOKOTOVA. Requirements of the Citizens' Complaints to the Constitutional Court of the Russian Federation and the Constitutional Council of France

This article is devoted to the requirements of the citizens' complaints to the Constitutional Court of the Russian Federation and the Constitutional Council of France. Author stresses that legal regulation of these requirements demands flexibility which cannot be provided by the legislator. This necessity requires participation of the Constitutional Court and the Constitutional Council in the definition of these requirements by their interpretation. Judicial practice of both organs is considered simultaneously with the legislation (Federal Constitutional Law on the Constitutional Court of the Russian Federation and the Organic Law on the Constitutional Council of France). The author concludes that in general the essence of the requirements is similar for both organs and this is solely their legal formation what is different. Particular attention is paid to the development of the legal regulation in this field and its trends.

Key words: constitutional complaints of the citizens, requirements of the complaints, constitutional control, Constitutional Court of the Russian Federation, Constitutional Council of France.

KOKOTOVA Maria Aleksandrovna — Lecturer of the chair of the constitutional law of the Ural State law university, PhD

Contacts: km231089@yandex.ru